

A close-up portrait of a man with short brown hair and blue eyes, looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark blue shirt. The background is dark and out of focus.

СЕРГЕЙ ЛЕКТОРОВИЧ

100млн

80млн

60млн

40млн

20млн

СНАЧАЛА БУДЕТ СТРАШНО

ЛАБОРАТОРИЯ
«ОДНАЖДЫ»

7 ЖИЗНЕЙ, КОТОРЫЕ МНЕ
ПРИШЛОСЬ ПРОЖИТЬ, ЧТОБЫ СТАТЬ
НАСТОЯЩИМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ

Сергей Владимирович Лекторович
Сначала будет страшно.
7 жизней, которые мне
пришлось прожить,
чтобы стать настоящим
предпринимателем
Серия «Сделано Однажды. Истории
успеха известных предпринимателей»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64985226

Сначала будет страшно. 7 жизней, которые мне пришлось прожить,

чтобы стать настоящим: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-121638-2

Аннотация

Уникальная история одного человека, которая впечатлит тысячи людей.

Сергей Лекторович – основатель и генеральный директор компании «ИСП», обеспечивающей пожарную безопасность на крупнейших объектах в России и странах СНГ.

Но так было не всегда. Ботаник, рокер, лидер уличной группировки, политик, осужденный – в разные периоды жизни все это его история. Сергей буквально прожил несколько жизней и рассказывает, чему его научила каждая из них.

В своей книге Сергей делится инструментами эффективного управления и навыками самообладания. «Сначала будет страшно» – это не только захватывающая история, но и формула любого действия. Страшно всегда, главное – привыкнуть к этому страху и не бояться его.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие редактора	6
Предисловие автора	14
Жизнь первая. От ботаника до лидера уличной группировки	20
Стоять!	20
Специальное лицо	27
Тольятти	31
Несколько слов о правильном положении нижней челюсти	38
Рокер	41
Ирокез	44
Качай железо, бритоголовый!	51
Как я к этому пришел?	58
«Драк больше не будет!»	64
«Коловрат»	75
И даже один очень хороший священник...	81
Жизнь вторая. От политика до политтехнолога	101
Гроб-путешественник	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**Сергей Лекторович
Сначала будет страшно.
7 жизней, которые мне
пришлось прожить,
чтобы стать настоящим**

© Текст. Лекторович С., 2021

© Фотография. Чичков Ю., 2021

© Ретушь фотографии. Чичков Ю., Демина В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Посвящается моим родным и близким в знак признательности за их поддержку, терпение и любовь!

Предисловие редактора

Есть три причины прочитать книгу, которую вы держите в руках.

Причина первая, не главная: это очень интересная бизнес-история, ее можно проглотить за выходные, как хороший детектив.

Причина вторая, более серьезная: это книга – про страну. Тридцать лет постсоветской России, рассказанные почти ее ровесником. 1990-е, 2000-е, 2010-е. Автор рос вместе с ней, поднимался вместе с ней, совершал вместе со страной одинаковые ошибки и, главное, – продолжает развиваться дальше, как и она.

Причина третья, основная: это история, читатель, про тебя. Во всяком случае, если ты претендуешь на то, чтобы называться человеком активным, способным на собственные усилия, победы и поражения. Но пока что-то мешает – наверное, страх. В начале любого дела всегда страшно. Так вот, эта книга – лучшее средство от страха.

Ничего, что мы так быстро перешли на ты?

Как однажды говорил Вуди Аллен: «Мой первый прыжок в неизвестность оказался моим первым прыжком в известность». Потом добавил: «Ты накапливаешь в себе энергию изменения, ты чувствуешь, что в твоём старом теле уже жи-

вет новая версия тебя, и, хотя ты толком не знаешь, получится ли у тебя хоть что-то, ты просто прыгаешь».

Именно такой была жизненная тактика Сергея Лекторовича. Он начинал даже не с нуля, а с глубокого минуса. Раз за разом прыгал в неизвестность – менялся сам, менял свою жизнь и жизнь многих людей вокруг. Оказывал влияние на реальность – большую и маленькую.

Реальность маленькая – город Тольятти, в котором Сергей вырос и набрался амбиций. Каким образом мог их реализовать молодой подросток в 90-е годы в бывшем «советском Детройте», городе с надломленной пассионарностью? Конечно, на улице. Сначала длинные волосы, потом панковский ирокез, затем бритый череп ультрас – но даже тогда это не просто подростковая блажь, а первые проекты. Лекторович организовывал акции, драки и концерты радикальных рок-групп из Москвы. Создал свою уличную группировку, сделал ее главной в городе и даже помирил тольяттинских скинхедов с самарскими. Все это требовало умения развиваться, до конца отрабатывая «новую версию себя». Но как только этап был прожит и окончен, Лекторович пошел дальше – в политику. Напоминанием о прошлом стал лишь длинный шрам на щеке.

Прыжок в неизвестность – непростая жизненная стратегия. Первоначально – это дорога кочевника или разведчика, способного, в прямом смысле слова, уйти из привычного и обжитого пространства незнамо куда – за дальний лес, за

окоем, за три моря. Сегодня психотерапевты называют это способом «выйти из зоны комфорта». Подобным шагом может быть предпринимательский риск, новый проект, любое непростое дело и личностная трансформация. Ты просто решаешься – и прыгаешь.

Но прыжки бывают разными. Возможно, пока ты молод, тебе подойдет ракет-джамп, «ракетный прыжок» – известнейший трюк в компьютерных играх, когда игрок (вернее, его игровой аватар), желая забраться особенно высоко, на следующий уровень игры, стреляет себе под ноги из ракетомета. Впервые такой трюк появился в Doom'е. Герой придает себе реактивную скорость, теряя некоторое количество «здоровья», но получая возможность оказаться в точке, недостижимой никаким другим способом.

Были ли такие прыжки у Лекторовича? Конечно, так он ворвался в политику. Стал лидером городской ячейки партии «Родина», собирал многотысячные митинги в Тольятти и Москве, защитил от рейдеров крупное предприятие, занимал первые полосы региональных СМИ, делал заявления на «Первом канале», бесил самарского губернатора и только каким-то чудом не оказался в тюрьме.

Но и этот период в какой-то момент был прожит и исчерпан. Лекторович пошел дальше – в бизнес.

Есть еще один важный тип прыжка – «прыжок Наассона». Он описан в Ветхом Завете – один из самых драматических моментов Исхода, бегства сынов Израилевых из Египта. По-

зади нагоняющая фараонская конница, впереди море, Моисей простирает свой жезл. «И расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону»¹. Но это потом, а первый шаг нужно было сделать в волну, в пучину, прыгнув с нависающего берега. Все боялись, и только Наассон, сын Аминадава, в достаточной степени преисполнился веры. И «когда воды моря уже почти захлестнули его», произошло чудо, и воды разверзлись. Имя Наассон означает «упорный», сейчас в Израиле оно присвоено отряду спецназа.

Совершил ли подобный прыжок Лекторович? Да. Так он менял себя после тюрьмы, в которую все-таки попал. Но не по политическим мотивам, а, как сам признает, вполне заслуженно – из-за собственной глупости и моральной слабости, за то, что, заработав первые серьезные деньги и связи, стал делать большие ошибки – причем не только в бизнесе, но и в жизни.

Тюрьма отрезвила, а полтора года непрерывного чтения снова перезагрузили его личность. Оказавшись на свободе, Лекторович полностью перестроил бизнес, и сегодня его компания «Инновационные системы пожаробезопасности» (ИСП) самая прогрессивная на рынке. Он построил собственное производство в Тольятти, его продукцию используют Сбербанк, Роснефть, РЖД и сотни других организаций. Доходы компании увеличиваются каждый год почти

¹ Книга Исход, Глава 14, стихи 21–22.

вдвое – даже в нынешний кризис. Ее противопожарные системы отличаются премиальным качеством, «умом и сообразительностью» – они даже умеют регулярно отправлять своему владельцу эсэмэски. А высокий уровень сервиса ИСП сопоставим разве что с легендарной Zappos.

Но когда наступают зрелые годы и путь в неизвестность кажется все сложнее – какой прыжок мы можем совершить? Что такое прыжок вообще? Разбег, толчок, полет вперед и вверх с последующим приземлением. Причем приземление всего важнее – ведь как бы высоко ты ни прыгнул, если разобьешься, был ли смысл в достигнутой высоте? А правильное приземление можно обеспечить двумя способами – учиться грамотно падать на жесткую поверхность или свято верить в то, что какая-то дружеская сила подхватит тебя и понесет на руках, да не преткнешься о камень ногою Твоею².

Возможно, «прыжок кумира» и есть тот тип прыжка, который нужен в зрелом возрасте. Это ныряние со сцены, «stage-diving» – когда фронтмен во время концерта прыгает в толпу в расчете на то, что зрители удержат его и понесут на руках, передавая друг другу. Выглядит красиво, но риск действительно велик, даже если ты звезда мировой величины. Наберите в YouTube фразу stage diving fails – печальных примеров предостаточно. Тем не менее это прекрасный зрелый прыжок, когда ты предполагаешь, что тебя поддержат твои достижения, опыт, команда.

² Псалтырь, псалом 90.

В юности – учиться падать. В зрелости – рассчитывать условия приземления. Будет ли такой прыжок у Сергея Лекторовича? Скорее всего, да.

Освоившись на российском плацдарме, он как раз сейчас готовит прорыв на глобальный рынок – в Европу, Азию, Америку. Потому что его жизненная траектория все та же – вперед и вверх. Лекторовичем движет не только жажда личной экспансии, но и какой-то безбашенный, рок-н-рольный патриотизм. В этом своем наивном качестве он иногда напоминает реинкарнацию Данилы Багрова, который снова едет уделявать Америку, но теперь уже как предприниматель.

Книга написана от лица главного героя, но вжиться в эту роль нам было адски непросто. Потому что Лекторович невыносим. Работа тянулась два года, мы поменяли несколько райтеров, пару раз серьезно ругались с Сергеем, один раз даже собирались судиться, но снова и снова возвращались к работе. В некоторых эпизодах мы до конца так и не смогли найти общий язык. Его родной город, его друзья детства, его наставники, его команда – темы настолько личные, что каждое слово, произнесенное от первого лица, кажется неверным, неточным, неполным. Тогда в качестве компромисса мы, Лаборатория «Однажды», решили взять эти эпизоды на себя. Написать их в режиме «неавторских отступлений», исследовательских эссе – своеобразных чилл-аутов, куда читатель сможет зайти отдохнуть, когда от приключений неумолимого главного героя уже закружится голова.

Почему мы вообще взяли́сь помочь Сергею рассказать его историю и почему все-таки довели свое дело до конца? Потому что она – это история о самом трудном деле в жизни. Для большинства людей невозможном. О том, как менять себя. Смиряться, но не сдаваясь. Уничтожать ветхую версию собственной личности – ради самообновления и выхода на новый уровень. Раз за разом пересобирать себя заново и двигаться вперед. Делать эволюционный рывок в самые кризисные моменты. Не оставаться самим собой, а становиться самим собой. Быть автором собственной жизни, даже когда эта жизнь настойчиво пытается навязать стандартный сценарий.

Книга не только мотивирует, она еще и имеет прикладную пользу. Лекторович – теперь уже опытный бизнес-практик, реализовавший мечту, которая слишком многим сегодня кажется недостижимой – построить большой, красивый и чистый бизнес, стартовав не в Кремниевой долине и даже не в Сколково, а в Тольятти, далеко не самом прогрессивном городе страны и мира. Сергей готов поделиться своим опытом, знаниями, достижениями, ошибками, чтобы тем же путем – вперед и вверх – мог пройти любой из тех миллионов молодых людей, кто уже накопил в себе энергию изменений, уже взрастил новую версию себя, но пока не знает, что делать дальше. Потому что сначала всегда страшно. И потом тоже страшно. Всегда страшно. Как преодолеть этот страх? Короткий ответ звучит так: просто разбегайтесь и оттолкнитесь от земли. Подробный ответ – в этой книге.

Дмитрий Соколов-Митрич
основатель Лаборатории «Однажды»

Предисловие автора

Я, Сергей Лекторович, сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна. Передо мной – Антарктида. Десятки оттенков белого. Бескрайние поля льда и снега, освещенные безжалостным солнцем. Самый малоизученный материк на планете. Самый южный. Полюс холода с самой низкой влажностью и самым сильным и продолжительным ветром. Холодильник с мировыми запасами льда.

Антарктида почти не заселена, она не принадлежит никому, на ее территории разрешена только научная деятельность. Поэтому живут там около тысячи ученых из разных стран. И в зависимости от сезона – от 100 до 150 наших соотечественников.

Скоро их станет на пару десятков больше. В 2023 году здесь откроется новая научная станция «Восток». Пять жилых модулей общей площадью 2,5 квадратных километра, с зонами отдыха, лабораторией, собственной электростанцией и гаражом. В них смогут проживать до 35 человек. Техническое задание предусматривает безопасную эксплуатацию, резервирование систем жизнеобеспечения, современное медицинское оборудование и безотходную систему жизнедеятельности.

А защищать эту станцию «Восток» от огня будут системы пожаротушения «Заря» тольяттинской компании ИСП –

компании, построенной мной и моей командой.

Я смотрел на бескрайние белоснежные равнины, слушал ровный вой ветра. Я остановил видео на YouTube, и на мониторе застыла картинка из снега и солнца. И вдруг с каким-то спокойным изумлением я осознал, как далеко завела меня судьба на этом непредсказуемом пути. В Антарктиду! На станцию «Восток». В ту самую иллюстрацию из учебника географии, которую я с придыханием когда-то разглядывал в детстве. Мог ли представить себе тот подросток с ирокезом на голове, которым я был 30 лет назад, что эта картинка станет явью? Я откинулся на спинку кресла и вдруг улыбнулся, потому что совершенно отчетливо осознал – да, мог!

Именно поэтому все и получилось.

Я предприниматель, исследователь и экспериментатор. Всю жизнь любил и люблю рисковать, изучать новое, исследовать сложные, устрашающие явления, менять реальность – и чем масштабнее потенциал этих изменений, тем больше они вдохновляют меня.

В детстве я мечтал повторить путь Христофора Колумба, в юности – Столыпина, а сейчас с интересом наблюдаю за Илоном Маском.

При этом я часто пренебрегал мерами безопасности. Ученые, прежде чем провести какой-то опыт, готовятся к нему, создавая необходимые условия. Я же всегда бросался в омут с головой, часто без должной подготовки.

1999 год. Мне 16 лет. Худой, бритый налысо подросток

в тяжелых ботинках, уже со шрамом во всю левую щеку. Выступаю в составе дружеского музыкального коллектива «White Storm» на Дне молодежи города Тольятти. И как только начала звучать одна из самых удачных наших композиций: «Белый мир, белые люди...» – бледнеющая на глазах дама из администрации выдергивает шнуры микрофонов трясущимися руками.

2005 год. Мне 22 года. Специально для солидности стараюсь отрастить себе брюшко. Возглавляю собственное общественно-политическое движение «Национальный альянс». В деловом костюме и галстукe выступаю на очередном крупном митинге. Обещаю мэру города Николаю Уткину, что эта акция не последняя. Кричу с трибуны: «Нет отмене льгот!» Я верю, я совершенно убежден, что совсем скоро у меня появится своя федеральная политическая партия, которая будет защищать настоящие патриотические идеи. Иначе зачем все это?

2009 год. Мне 26 лет. Учусь по программе МВА на факультете инновационно-технологического бизнеса РАН-ХиГСa в Москве. Учредил компанию «Инновационные системы пожаробезопасности». Вдохновляюсь идеей: оснащать гражданский транспорт пожарным оборудованием так же, как транспорт спецслужб. Чтобы машины больше не горели, люди в них не погибали. Мечтаю: сейчас мы изменим ситуацию по всей России! Да еще и денег заработаем.

Через несколько месяцев мы поймем, что наше оборудо-

вание никому не нужно.

Через год мы найдем другую нишу и получим первую ручку.

Через два – уверенно встанем на ноги.

Через три – я сяду в тюрьму.

В общем, непростое это дело – быть предпринимателем.

И то, что мы встретились с вами на этих страницах, – настоящее чудо. Скорее вопреки, чем благодаря. Слишком много в моей жизни было неправильных поступков и промахов. Но раз вы держите в руках эту книгу, значит, была в ней и критическая масса верных решений.

Очень может быть, что я вам не понравлюсь. Единственное, что могу гарантировать – мой рассказ будет увлекательным.

Настолько, насколько может быть увлекательной жизнь подростка, родившегося на стыке двух эпох, когда даже взрослые потеряли ориентиры. Что уж говорить о нас, молодых. Мы искали свой путь. Не все дошли до конца, но некоторым из нас посчастливилось его найти.

Вот главное, что я понял в свои 37 лет:

Изображать того, кем ты не являешься на самом деле, – легко. Все мы в той или иной мере делаем это. Многие – всю жизнь. Напяливаем в молодости чей-то чужой костюм, а потом у нас не хватает ни сил, ни желания, ни возможности его снять или хотя бы осознать, что он тебе не принадлежит.

Цель любой жизни – максимально раскрыть свой потен-

циал. А сделать это можно, только вернувшись к себе настоящему.

Смотрели фильм «Малыш» с Брюсом Уиллимсом в главной роли? Если нет – очень рекомендую.

Это история об одном успешном менеджере, который к 40 годам построил карьеру, заработал достаточно денег, но ни семьи, ни близких, ни счастья у него не было.

Когда-то я был очень похож на него и только по случайной случайности вырвался из ограничивающих меня рамок.

Я убежден, что никакого постоянного «Я» не существует. Мы все представляем из себя результат восприятия нами окружающей действительности, случившихся событий (закономерных и случайных) и их вольных интерпретаций сознанием.

В этот большой мир выкатывается маленький комочек, который с каждым годом катится, все стремительнее набирая, накапливая внешнюю оболочку, – слой за слоем.

Видите ли вы в снеговике, стоящем на улице, маленький снежок, скатанный руками ребенка? Чувствуете ли его? Помните ли о том, что с него все начиналось?

Через пару десятилетий уже непонятно, каким ты был, чего ты действительно хотел, куда стремился. Прошлое забыто, настоящее – неясно, будущее – неизвестно.

Полжизни мы тратим на то, чтобы убежать от себя, а остальную половину – на то, чтобы к себе прийти.

Полжизни мы стремимся соответствовать чужим пред-

ставлениям, преодолеваем себя настоящего, чтобы стать (или казаться?) сильным, умным, красивым, спортивным, успешным, креативным.

Часто не понимая: ЗАЧЕМ?

Не слишком ли дорого стоит такая стратегия?

Как жить в согласии с собой и миром?

Как чувствовать реальность такой, какая она есть?

Как найти счастье и сделать счастливым свой путь?

У меня нет универсальных ответов, которые подойдут каждому.

Но есть своя история, которую я расскажу для того, чтобы вы сами нашли собственные ответы.

Жизнь первая. От ботаника до лидера уличной группировки

Стоять!

По одному взгляду на человека я могу определить, били его в детстве или нет. Крепкий, спортивный, накачанный? Били с большой долей вероятности. Броня не вырастает просто так. Когда-то подростком этот парень скорее всего прошел через испытания, и травматические события сформировали его защитный панцирь.

Я вырос в 1990-е в Тольятти. Для того, кто в контексте, эти несколько слов могут сказать обо мне если не все, то многое. В них не просто факт биографии, а свойство личности – то, что до смерти останется со мной.

Дедушка Витя по папиной линии однажды стоял на балконе и наблюдал, как я пытаюсь разрулить первый в своей жизни конфликт. Какой-то соседский ребенок отобрал у меня синий совочек.

- Отдай совочек.
- Не отдам!
- Но это мой совочек.
- Теперь мой!

Переговоры зашли в тупик. Дедушка прервал мое замешательство:

– Че ты с ним разговариваешь, дай в нос – и всё!

– Как это?

– Да как, пальцы в кулак сожми и дай.

Ну, я и дал. Эффект оказался поразительным. Обидчик совочек мой тут же бросил и побежал за мамой.

Так дедушка Витя научил меня драться. Для мальчика из Тольятти навык отнюдь не бесполезный.

...Однажды во время перемены я сидел и читал книжку, а по проходу между партами шел главный на тот период агрессор в классе (их обычно на каждый класс бывает по два, два основных хулигана) – шел и всем давал подзатыльники. А я сижу, учу и слышу – там движуха какая-то. И думаю – если до меня дойдет, я его убью сейчас. Такая недетская, но на самом деле именно детская мысль. И – бах! – мне прилетает.

Никакого вкуса к дракам я тогда еще не испытывал, шумных толп сторонился, все учителя называли меня домашним мальчиком и ставили другим в пример.

Я вскочил и побежал за ним по партам. Он, смеясь, перепрыгивал с одной парты на другую, пока не остановился на последней, развернувшись ко мне.

– Ну что? Куда бежишь придурок?

От удара ногой в живот он не успел договорить последнюю фразу и, скорчившись, полетел с парты вниз на пол, к детским шкафчикам с одеждой, которые располагались у нас

прямо в классе.

Я смотрел на него сверху вниз и не знал, что будет дальше.

Было одновременно и радостно, и страшно.

Радостно от того, что я смог победить «непобедимого».

Страшно от того, что не знал, чем теперь это обернется.

Тут я увидел, что из его глаз пошли слезы. Он встал. Взял свой рюкзак и убежал с уроков домой.

Для меня это был первый мальчишеский урок – победы над своим страхом, кто бы его ни спровоцировал и каким бы ужасным поначалу он ни казался.

Спустя годы в одной из книг по психологии я прочитал про живущих в нас внутренних драконов, которые не дают нам действовать и останавливают нас перед лицом неизвестности.

Мой первый дракон был убит там.

А дальше история повторялась.

Хулиганы, гопники, бандиты, прибивочные милиционеры – все это закрутилось в калейдоскопе событий, реальность словно проверяла меня на прочность.

Наша семья, как и многие другие в те времена, была в городе пришлой и по местным меркам подчеркнута интеллигентной.

Мама через раз выходила из набитого суровыми заводчанами автобуса в слезах – просто оттого, что улыбка и просьба «Подвиньтесь, пожалуйста!» в автобусах не работали. Долго не могла привыкнуть, что в Тольятти доброжелательность

принимают за слабость. Неласковый нрав горожан она, будучи врачом, объясняла болезнями из-за химических выбросов многочисленных производств. Поэтому все терпела и всех жалела.

Отец знакомился с городом на службе в Следственном управлении. Количество грабежей, разбоев, квартирных краж и особенно угонов автомобилей гарантировали ему почти круглосуточную работу много лет подряд. Возвращался домой он обычно в десятом часу вечера и стучал на машинке обвинительные заключения до поздней ночи. На кухне, чтобы нас не будить.

Квартиру мы получили в 16-м квартале Автозаводского района на одной лестничной площадке с семьей, дочка у которых была наркоманкой. Через несколько месяцев эта квартира превратилась в настоящий наркопритон. Брошенные шприцы на этажах и лестницах, сигаретный дым и толпы не самой благополучной молодежи по вечерам.

Однажды в детскую площадку, во дворе моего друга Арсения, въехала иномарка, за рулем которой сидел только что расстрелянный водитель.

Мир вокруг казался не самым безопасным для рано повзрослевшей девочки, приехавшей в город из деревни, – моей маме, а это передавалось и мне.

Мы жили на две зарплаты бюджетников с обостренным чувством справедливости. Я рос серьезным и домашним мальчиком. В три года переболел геморрагическим васкули-

том и потому пропустил детский сад с сопутствующими радостями ранней социализации.

Предпочитал уличной песочнице игру на ковре в гостиной.

Одиночество не тяготило, мама не боялась оставить меня одного, если нужно было срочно бежать в больницу.

Я собирал конструкторы, разглядывал географические карты, играл сам с собой в шахматы, легко справлялся с домашними заданиями и много читал. Жизнь явно готовила меня к карьере типичного ботаника.

На этом пути были некоторые затруднения. Например, когда я носил длинные волосы и выходил на улицу – тут же становился мишенью. У каждой второй лавочки тебя тормозят местные молодые люди, несогласные с твоим текущим мировоззрением. Ты живешь с постоянной угрозой физической расправы, каждый день – вызов. Тольятти времен моей молодости – это город с очень низкой толерантностью. При этом по численности размером с два Цюриха и экономикой на порядок более слабой. Почему? В том числе и из-за агрессивной социальной среды.

Таким образом, запускается механизм самообороны, у тебя возникает бесконечная потребность самоутвердиться и постоянно себя побеждать. Это сублимация духовного роста в нездоровых обстоятельствах, через культивирование внутренней силы. Ты увеличиваешь толщину своего панциря, защиты.

Впоследствии у меня ушло десять лет на то, чтобы избавиться от этого панциря и вернуться к себе самому.

А если бы Тольятти был более толерантным, возможно, я бы нашел свое предназначение гораздо раньше, уже в двадцать лет занялся бы бизнесом, сейчас прошел бы огромный путь, вырастил в своей компании многих классных специалистов, заплатил бы на порядок больше налогов, принес бы своей стране больше пользы.

В прошлом году я был на лекции Ричарда Флориды, американского экономиста, автора теории креативного класса. У него есть такое фирменное высказывание: чем больше в обществе сексуальных меньшинств, тем лучше развивутся культура и экономика. Естественно, у меня эти слова поначалу вызвали внутренний протест. Но потом Ричард перешел к аргументам. Он вовсе не утверждает, что именно меньшинства – движущая сила экономики. Просто, по его мнению, есть прямая зависимость между количеством гомосексуалов, богемы, с одной стороны, и творческих личностей, с другой. Но и то, и другое не причина, а следствие – результат жизни в развитой толерантной среде, которая, конечно, благотворна для креативного класса, а значит, и для экономического развития.

Конечно, из этого вовсе не следует, что по телевизору нужно пропагандировать однополую любовь. Есть две крайности. С одной стороны, убийственная нулевая терпимость, с другой – безграничная терпимость, которая тоже ведет к

разрушению культуры и катастрофе. Зона развития – где-то посередине.

В общем, жизнь в таких городах, как Тольятти 1990-х годов, навязывает ложный выбор: или ты, или тебя. В результате у меня ушло много времени, чтобы вернуться к себе самому.

Потерянные ли годы, которые я потратил на то, чтобы избавиться от выстроенной защиты? Не думаю. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Может быть, не пройдя этого «лишнего» пути со всеми его глупостями и трудностями, ты не получишь нужного результата.

Специальное лицо

– Сережа, а почему у тебя лицо такое странное?

– Я с улицы, мам.

– И?

– Это специальное лицо для улицы. Сейчас перестроюсь.

Однажды, уже в средней школе, нашего друга избили гопники на мотоциклах, из частного сектора.

Надо было что-то делать.

– Я их знаю – шпана с полтинника. Там их человек пятьдесят на пятаке тусит. Отморозки те еще, – сказал кто-то из наших.

Но оставлять это было нельзя.

Избить нашего пацана на нашей же территории – круче, чем выиграть в драке. А для нас означает капитуляцию и потерю самоуважения.

Мы решили, что точно должны отомстить.

Купили бутылку портвейна, выпили ее для храбрости и впятером поехали к сельским на автобусе. Наломали палок от местных заборов и лавочек. Одного отправили на разведку. Вернувшись, он сказал: там человек тридцать. Точно не справимся.

И тут неожиданно из-из угла прямо на нас выехал мотоциклист из числа неприятелей.

То ли от страха, то ли от безысходности я бросился на

него, сбил с мотоцикла, и мы все толпой с бешеными криками рванули в переулок, изо всех сил размахивая палками.

«Убью! Порву! Твари! За Родину!» – орали мы во все горло, видимо, насмотревшись фильмов про Красную армию, и эти крики слились в звериный рев.

Вдруг произошло то, чего мы не ожидали.

Толпа замерла, через мгновение зашевелилась, и «блатная» молодежь бросилась бежать.

Мы били их, не встречая сопротивления. Только к нашему крику присоединились и их – от боли.

Из домов начали выходить родители, взрослые и кричать: «Что здесь происходит?» Я объяснил, что мы восстанавливаем справедливость, так как они избили нашего друга. Кто-то из взрослых сказал: «Бросайте палки, парни, никто вас бить не будет». Мы были неопытные и взрослым поверили, разоружились. А те просто взяли и ушли.

Нас тут же окружили. Ситуация на грани. И вдруг, удивляясь самому себе, я зарычал:

– Кто старший? Бригадный кто есть?

Откуда взялись слова в тот момент? Не знаю. Видимо, сработал какой-то инстинкт. На бригады тогда делился весь город, это были бандитские группы, вербовка в которые началась с малолетства. Иметь там завязки считалось по-настоящему пафосно – и почти у всех дворовых пацанов в бригадах были либо родственники, либо знакомые. Но я, домашний в общем-то мальчишка, сын врача и милиционера, ни с

одним из них не был знаком.

Из толпы ко мне вышел какой-то шпендель: «Ну, я».

Мы отошли за угол. Поговорили. Обсудили все по «понятиям» – получалось, что в той ситуации его ребята оказались неправы, били по беспределу, без причины. И он это подтвердил.

Мы пожали друг другу руки и назад вернулись уже товарищами.

А потом до позднего вечера сидели в переулке на бревнах, обсуждая городские подростковые истории под гитару и самогон.

Ситуация на улице стала понятна. Но и в физматшколе, куда меня перевели родители, – одной из лучших в городе – правила оказались теми же.

Мои родители хотели как лучше. Они считали, что хорошая школа – подходящая среда для пятиклассника, читающего учебники по радиоэлектронике. Поэтому я сдал экзамены и поступил в нее.

Не думайте, что травят только слабаков. Они мало кому интересны, разве что чуть менее слабым. Потенциальных конкурентов, претендующих на лидерство, травят гораздо чаще – больше драйва и интриги. В том 6 «А», где я оказался, были сильные ребята одного социального круга, они пробовали меня, чужака, на зуб. Я ходил в школу как на войну. Чтобы отстоять свое место, мне понадобилось года полтора.

Опыт травли – это всегда история про потери и приобре-

тения. Я заработал авторитет, но потерял внутренний суверенитет. В какой-то момент мой защитный панцирь начал работать автономно. Он стал управлять мной, а не я им.

Мои вчерашние враги говорили: «Сергеа теперь наш друг, он этого добился». Но было уже поздно – меня понесло. Ботаник во мне умер, и его место занял кто-то другой. Наверное, тогда я и принял решение, что больше никогда не хочу оказаться в слабой позиции. Тренировал идеально прямую осанку и учился не отводить взгляда. Не могу сказать, что этот выбор был однозначно правильным. Но тогда я его сделал.

Тольятти

Лаборатория «Однажды» изучает город, который существует и не существует одновременно.

«Таксовал я прошлую зиму в Сочи. Хороший город, но капец какой тормозной. Люди по пешеходным переходам идут вальяжно, как в замедленном кино. Везу как-то раз парня, он сидит, молчит. А впереди – опять какой-то мудака замер на зебре.

Я не выдержал, ору: «Ну, чего ты встал, иди уже!!! Да что ж за люди здесь такие живут, а?!»

И вдруг парень с заднего сиденья тоже взрывается:

– Да они тут все небитые!

Я оборачиваюсь:

– Ты сам-то откуда?

– Из Тольятти.

– Я так и подумал».

(Виталий Чернов, таксист, бывший водитель Сергея Лекторовича)

К середине 1968 года Волжский автозавод объявил всенародный конкурс – выбор имени для массового автомобиля. К выпуску готовилась будущая «Копейка» – фиатоподобная, наполовину итальянская, долгожданная. А названия «Жигули» (если мы говорим об автомобиле, а не горной гряде) еще

не было – его как раз должны были изобрести. В «Советской России» и журнале «За рулем» были напечатаны конкурсные условия; пришло 185 000 писем – над брендом думала вся страна. «Жаворонок», «Друг», «Песня», «Фиалка», «Ленинавт», «Совиталь», «Десина» (детские советского и итальянского народов), «Гарибальди», «Валентина», «Лунник», «Комета» и даже «Чиполлино».

Пятерка финалистов оказалась такова – «Волжанка», «Дружба», «Мечта», «Жигули» и «Лада». Мечта, а не названия! Впереди блистала хорошая, чистая выдуманная жизнь. «Полдень двадцать первого века». А в жизни невыдуманной предстояло стоять в очереди за «Жигулями», страстно желать товара, ждать перемен. Автомобиль – казалось бы, воплощенная приватность, образ частного благополучия, личного мира. Свое, отдельное и отделяющее. Но советский народный автомобиль создавался как общественное достижение. Он был «намечтан» страной.

Философ Ролан Барт писал о такой же намоленной французской народной машине – Citroen-овской «Богине»: «На мой взгляд, автомобиль в наши дни является весьма точным эквивалентом великих готических соборов: это грандиозное эпохальное творение, годами создаваемое вдохновенными и неизвестными художниками совокупно с тысячами строителей, и потребляемое (в воображении, пусть и не на практике) всем народом; в нем видят предмет сугубо магический».

С этой точки зрения Тольятти был единственным в России городом – готическим собором: завод и город строила вся страна, автомобиль был, безусловно, магическим предметом для любого советского человека. Он был частью символического капитала и каркаса национальной гордости и одновременно частью семейного достояния. Своего рода эмблемой государственности, но и эмблемой разрешенного индивидуализма.

Точно так же ощущал себя и город – один из самых важных в России. Он был, с одной стороны, коллективным, общественным, эталонно-утопическим, с другой – предоставлял жителям опыт участия в первом, еще советском теневом бизнесе и учил науке обладания. Это обстоятельство замалчивалось – в позднем СССР любили снимать экономические детективы, «Следствие ведут Знаатоки» тому доказательство, но и в мыслях не было экранизировать, скажем, великолепную историю мастера цеха запчастей АвтоВАЗа Филатова, который создал группировку и вывозил запчасти с завода грузовиками. Сумма похищенного достигла невозможных для советского обывателя трех миллионов рублей. Гигантомания во всем, даже в сумме ущерба.

«Здесь душу греет Волга, водка и кореша»³, – русские рэперы посвятили этот комплимент Самаре. Видимо, до Тольятти они в свое время просто не добрались. Здесь нет достопримечательностей. Разве что памятники. Бронзовый

³ Песня КАПА & ДаБо.

Татищев на берегу Волги, подозрительно похожий на Медного всадника, и безымянная овчарка на Южном шоссе (по легенде собака несколько лет ждала возвращения хозяев, разбившихся на вишневой «девятке»).

С историческим наследием как-то не сложилось.

Впрочем, чем-то Тольятти неуловимо похож на Петербург. И не только европейской ноткой в названии. История этого города тоже развивалась не органично, а через насилие. Не согласно нуждам и чаяниям жителей, а по мановению административной воли. Сначала в городок Ставрополь-на-Волге, как он назывался раньше, определили жить крещеных калмыков. Но те уже через несколько лет снова разбрелись по степи: все-таки кочевники. Затем на их месте обосналась мордва и бывшие беглые крестьяне, но только город обрел себя, как его вдруг решили затопить, чтобы силами Самарлага построить очередную ГЭС. А город начали строить заново чуть выше по течению.

Еще лет через десять прямо во время экскурсии в Артеке умер видный итальянский коммунист Пальмиро Тольятти. И то ли из чувства вины, что не уберегли героя, то ли с намеком на будущее межгосударственное сотрудничество, верхушка СССР решила увековечить его звучную южную фамилию в названии угрюмого пролетарского городка. Образ итальянского коммуниста с тех пор проживает здесь на правах призрака, большинство тольяттинцев даже не знают, как этот человек выглядит.

Но когда советское правительство договорилось с итальянским о строительстве под ключ завода по производству «народного автомобиля» – у Тольятти конкурентов почти не оказалось. Где же еще собирать отечественные легковушки на базе «Фиата», как не в единственном городе СССР с итальянским названием. Объявили АвтоВАЗ все-союзной ударной стройкой, и сюда потянулись молодые советские специалисты. Население города росло с реактивной скоростью. Неутомимые инженеры сидели над чертежами до утра. Плечистые механики работали в две смены: днем собирали машины, вечером возводили «город-сад» для новых жителей.

28 октября 1970 года в Москву уехал первый эшелон «Жигулей», и в этот момент, казалось, город наконец-то обрел себя. Воплотил в жизнь собственную утопию. Напрочь избавился от комплекса провинциальности – ведь международные контракты на поставку автомобилей местные боссы заключали напрямую с главами государств, иногда даже без оглядки на Москву. Да и в самом СССР статус тольяттинца вырос до небес: в стране тотального дефицита автомобили и запчасти к ним – это прежде всего связи. У того, у кого они есть, все схвачено. Бармен из заводского пансионата теперь был влиятельней секретарши союзного министерства. Про Тольятти стали говорить, как про государство в государстве.

Так оно и было, пока все не пошло наперекосяк.

В 1990-е годы все начало рушиться стремительно и для города такого типа особенно болезненно. Из индустриального утопического автограда Тольятти стал превращаться в постиндустриальный Детройт. Линейка АвтоВАЗа все еще пользовалась спросом, но с каждым годом местные автомобили стремительно теряли репутацию, превращались из мечты в разряд «автомобиль для пенсионеров, дачников и неудачников». Главными конвейерами страны, рассчитанными на новую элиту, стали трассы, по которым гнали японские иномарки из Находки и немецкие из Калининграда.

А в Тольятти на первое место вышли те особенности города, которые раньше не обсуждались и не проговаривались – он был построен не для людей.

Это рождало особый городской контекст. Сейчас Тольятти – «постиндустриальное пространство», возникшее действительно на «пустом месте» и поэтому создающее собственную мифологию с нуля.

(Анекдот в тему)

«Решили на АвтоВАЗе навести порядок. Уволили всех местных рабочих, набрали москвичей. Запустили конвейер – «Лада Калина» получается.

Уволили всех русских, снесли завод полностью, заказали новую линию «БМВ», набрали немцев. Запустили конвейер – «Лада Калина» получается.

Уволили всех немцев, снесли завод полностью, заказали новую линию «Тойоте», набрали японцев. Запустили конвейер –

ер – «Лада Калина» получается.

На холме возле города сидят двое бывших местных рабочих завода, курят. Один другому:

– Руки из задницы, руки из задницы... Я же им говорил – место проклятое!»

Когда СССР не стало, к стандартному провинциальному набору 90-х в виде бедности и чувства покинутости в Тольятти прилагался бонус – криминальные войны за генерирующий долги автогигант. В городе с населением в 700 тысяч человек действовало с десятков ОПГ. Карьерная лестница в этих сообществах начиналась с районов – кварталов, со «своих» и «чужих». Редкий тольяттинский подросток той поры избегал участия в войне, проходя по чужому кварталу. И пока новая страна не успела ничего предложить взамен, молодежь искала себя в этом противостоянии.

Перед молодыми людьми лежал город бедных, бесконечно влюбленный в богатство. В Тольятти осталась без применения огромная человеческая энергия – с одной стороны. С другой стороны, город с советского времени нес в себе особое отношение к благополучию, к внешнему статусу, а навыки получения этого статуса у наиболее активных его жителей уже были записаны на подкорку.

Несколько слов о правильном положении нижней челюсти

Подростковое самоопределение – это страсть, которой противостоять невозможно. Пока ты не ответишь себе на вопрос, кто ты такой – ты не сможешь перейти ни к одному из других жизненно важных вопросов: куда мне идти, чего я хочу, как этого добиться?

Чтобы я не попал в плохую компанию, мама рано купила мне компьютер – моднейший по тем временам ZX Spectrum. Меня очень увлекала информатика. Помню, в третьем классе я сам запрограммировал «змейку». Наверное, если бы я родился на 10 лет позже и не в Тольятти, а в каком-нибудь более нежном городе, то стал бы типичным гиком и нашел бы себе работу в какой-нибудь айтишной «компании мечты». Но установка «хочу все знать» к 7-му классу себя исчерпала, хотя я и продолжал учиться на пятерки. Олимпиады по математике существовали в параллельном мире, я не воспринимал их как нечто нужное здесь и сейчас.

В те времена главным признаком самоидентификации для подростков была музыка. По ответу на вопрос «Что слушаешь?» мы определяли своих и чужих, как по цвету знамен. Мне иногда жаль сегодняшних пацанов, потому что теперь эта часть подростковой культуры полностью утрачена. Сегодня музыка – это просто музыка, продукт потребления, та-

кой же, как еда, одежда, компьютерные игры. Интернет с его доступностью всего и вся принес в нашу жизнь инфляцию ценностей и смыслов. Музыка для молодых перестала быть экзистенциальным лифтом, главным источником смысла жизни.

Я пошел в первый класс через две недели после смерти Виктора Цоя. Когда я говорю про него, даже сейчас чувствую восторженный холодок. Мама часто оставляла меня одного дома и просила помыть полы. Я это ужасно не любил, но делал. Врубал для настроения магнитола. Обычно в эфире сменяли друг друга Салтыкова и Овсиенко, а тут я вдруг услышал этот голос. Нет, я не могу сказать, что он меня пронзил или что испытал настоящий шок. Мои впечатления вообще нельзя выразить с помощью подобной терминологии. Просто я вдруг почувствовал, что... это я. Не какой-то посторонний человек, а я сам, лично. Просто раньше этот «я» во мне почему-то спал, а теперь проснулся и заявил о себе.

«Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:

«Руки прочь, прочь от меня!»

Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?

Что будут стоить тысячи слов,

когда важна будет крепость руки?

И вот ты стоишь на берегу и думаешь:

Плыть или не плыть».

«Мы хотим видеть дальше,
чем окна дома напротив.
Мы хотим жить,
мы живучи, как кошки.
И вот мы пришли заявить о своих правах, да!
Слышишь шелест плащей? Это мы».

Мама долго не могла понять, почему я хожу с выдвинутой вперед челюстью. Фирменное цоевское «МЫЫЫ!» заряжало меня, формировало волю и разум. Все его песни, конечно, про нас – пацанов из панельных многоэтажек, в которых выросла вся страна. Недавно мы с друзьями задались вопросом – что еще держит постсоветское пространство? Почему мы не перестали понимать друг друга с казахами, армянами, белорусами и даже украинцами? Русский язык, русский мат, водка, память о войне – перечисляли долго, но в какой-то момент кто-то сказал: «Цой», а другой добавил: «Жив». Он – действительно часть нашего общего культурного кода. Цой зацепил всех – и мажоров из элитных лицеев, и ребят с окраин. Потому что если ты пришел в этот мир, чтобы чего-то добиться, то жизнь постоянно будет ставить тебя в положение «последнего героя», который снова и снова стоит на берегу и думает, «плыть или не плыть».

Рокер

Мне было лет 12, когда мы с родителями поехали в Северную столицу России. Питер произвел на меня неизгладимое впечатление. Подъезды и дворы, каналы и площади, люди, молодежь – все будто бы дышало свободой и творчеством. То, что я слышал в песнях Цоя, то, что смотрел в фильмах и книгах о нем, – вдруг ожило и стало явью.

В один из дней я пошел к нему на могилу. Ни телефона, ни денег, ни карты города у меня не было, и я прошел в своих поисках километров двадцать, вдыхая запах города, а потом на перекладных возвращался домой.

Я ходил по музыкальным рынкам – это было невиданное царство. На свои скромные сбережения покупал кассеты с музыкой, которую в Тольятти было не достать. В наушниках играли «Мумий-Троль», «Кино», «Metallica», «Limp Bizkit»...

Знаете, как говорят про некоторые события, которые нельзя «развидеть»? Теперь я на личном опыте узнал, что может быть по-другому. Что жизнь не ограничивается серыми или серо-голубыми девятиэтажками в квадратных кварталах, стиль одежды – спортивными штанами с борсеткой, а прическа – стрижкой под «бокс».

То тут, то там тусовалась молодежь в кожаных куртках, с длинными волосами. На площадях играли уличные рок-

группы. Эта непередаваемая атмосфера свободы и романтики произвела на меня мощнейшее впечатление.

Питер я привез с собой в Тольятти в виде джинсовой куртки с яркими нашивками и топорщащимися вихрами на голове, которые решил больше не стричь.

Я стал все глубже погружаться в рокерскую субкультуру, постепенно отрастил длинные волосы, купил толстовки с символикой группы «Metallica», начал учиться играть на гитаре. Я ощутил не просто новое дыхание, а свежий ветер! Музыка, новые друзья, тусовки, сейшены, концерты, алкоголь. Школа, учеба, оценки – все начало уходить на второй план.

Это был протест против серой действительности, против правильной жизни родителей, против «правильных пацанов» со своими понятиями. На другой чаше весов оказались гопники, мажоры и обыватели. Теперь мне было что им противопоставить.

Мне казалось, что для человека с зарождающимся интеллектом серьезных альтернатив в Тольятти не было. Если в Москве и Петербурге в это время цвели рейвы с новой электронной музыкой и наркотиками, то здесь – только наркотики.

Моя внутренняя перестройка началась с плохо отрефлексированного эпатажа. Я стал дружить со старшеклассниками. Мне льстило, что они приняли меня, как равного: ведь в этом возрасте даже разница в один год – пропасть между

смертными и богами.

Помню, как-то у нас возникла идея не просто слушать музыку, а создавать ее. Я стал лидером группы. На мне были тексты и вокал. Паша – старшеклассник, сын начальника налоговой полиции города, играл на соло-гитаре. Мы нашли барабанщика, а мой друг Денис стал бас-гитаристом. Не один вечер мы провели в поисках названия группы и в конце концов придумали – ПСИХОГЕН.

Почему «Психоген»? Потому что тексты, которые я писал в тот момент, в полной мере отражали то, что происходило в моей голове. А в ней бушевала внутренняя революция. Я быстро превратился из гадкого утенка в заводилу. Тусоваться со старшеклассниками, ходить на рок-концерты, пить алкоголь, вырваться из-под родительского контроля и выделиться на фоне всех своих сверстников – вот чего мне тогда хотелось.

Ирокез

Как-то раз к нам в школу из Москвы приехали выпускники нашего элитного лицея – студенты престижных вузов МИФИ, ВШЭ, МГУ. Один из них был с ярко-зеленым ирокезом. Это произвело на меня впечатление! Раньше я видел такое только в клипах легендарных «Rammstein», а здесь – живой человек, родившийся в том же городе, что и я.

Около недели во мне созревала решимость и, наконец, пересилив страх перед родителями и обществом, в один из понедельников... я пришел в школу с ирокезом. Буквально через 5 минут весь этаж заполнился учениками. Все просто офигели.

– Серега, ни хрена себе! Круто! Вот это да!

– Вот это урод!

– Сережа, ты что с собой сделал?!

Уроки были сорваны. В рекреации появилась фигура нашей директрисы:

– Ты что себе позволяешь, Лекторович?! Немедленно домой и, пока не сострижешь, в школе не появляйся!

– Не имеете права, это мое дело, какую прическу носить!

Она быстро разогнала всех по занятиям, а меня отправила домой. Я хорошо учился, и она вообще-то неплохо ко мне относилась. Но это было за гранью ее понимания.

Ирокез я не состриг. Дома притворился больным, якобы у

меня начался отит, и две недели провел на больничном, пока волосы вокруг ирокеза хоть немного не отросли. После я просто разгладил его и пошел учиться, а, выходя из школы, еще пару недель ставил его обратно, чувствуя себя неизменно крутым.

Именно тогда произошел случай, который во многом определил мою личность на многие годы вперед и впервые познакомил с милицией. Ирокез сыграл ключевую роль.

Моя первая подружка, Полина, жила в другой части города. Самый короткий путь до нужной автобусной остановки – через 19-й квартал. А я из 16-го. Как-то раз, проходя мимо, я наткнулся на дворовых пацанов:

– Ты чего здесь шляешься, нефор?

– Еще раз увидим, тебе п...ц, понял?

– Понял, – ответил я, стараясь изо всех сил скрыть внутреннюю дрожь.

Дома я пытался понять, как мне в этой ситуации быть. С матерью советоваться бесполезно: «Сережа, не ходи там, не вмешивайся, не нарывайся», – что еще могла сказать мне женщина, которая жутко переживала за сына? А с отцом у меня в то время не было контакта. Я отдалялся от него и стремился к независимости.

Поддерживал меня только Виктор Цой, точнее его песни. В ушах звенело: «Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?». Сильным быть очень хотелось, но откуда взять силу?

Мой взгляд невольно остановился на короткой перекла-

дине, подвешенной к турнику. «Ладно, твари, держитесь», – подумал я.

Дождался, пока мама придет с работы. Выпросил у нее ненужный дерматин, иголку и нитки. И весь вечер, закрывшись в своей комнате, шил футляр для своего нового оружия.

Спустя день я надел спортивный костюм, застегнул под ним офицерский ремень с самодельным футляром, засунул обрезок турника внутрь, чтобы не было видно, и пошел.

Дворовые, как обычно, тусовались около дома, распивая пиво и щелкая семечки. Увидев меня, кто-то из них тут же закричал:

– Эй, черт, мы же тебе сказали тут не ходить! Ты че, не понял?

– Не понял.

С их стороны поднялись несколько человек старше меня.

– Пошли поговорим. – И они жестом указали на подъезд.

– Пошли.

Ну и как только мы зашли и дверь закрылась, я выхватил трубу и заорал: «Ща всем головы раскрою, уроды!»

Они отпрянули.

– Ты че псих?

– Псих.

В глазах самого старшего я увидел что-то напоминающее уважение.

– Дай пощупать железку.

Мгновенно оценив ситуацию и нутром почувствовав, что психологически я победил – отдал.

Он покрутил ее в руках.

– Это же стальной обрез?! Ну, ты – беспредельщик, в натуре. Ходи, где хочешь, Серый. Наш пацан!

В этом подростковом мире, как оказалось, уже не важно – неформал ты или гопник, рэпер или ботаник, – внутренняя сила ценилась везде и только так, иногда безбашенно рискуя, можно было заслужить или завоевать уважение.

Потом, приехав к подруге и друзьям в центральный район, я рассказал им эту историю, и мы дружно напились, отмечая мою внутреннюю победу, такую важную для подростка в том возрасте.

По пути домой меня, пьяного, с этой палкой принял патруль. Помню, позвонили отцу: «Тут ваш сын с обрезом металлической трубы по городу ходит». Так я попал в милицию в первый раз.

Как уберечь от этого ненужного риска наших детей?

Как нам удалось пройти буквально по краю?

Ответов на эти вопросы у меня нет до сих пор.

Воспитывая сейчас двух дочек, я вижу, что с каждым годом вопросов у меня становится больше, чем ответов.

Родительство – искусство более сложное, чем управление бизнесом. Хотя бы потому, что сотрудника ты можешь уволить, а своего ребенка – никогда.

Как научить его найти свое счастье и прожить интересную

жизнь в гармонии с собой?

Как защитить от бед и при этом вырастить самостоятельную, целостную личность? Где баланс между воспитанием, границами и свободой?

Чтобы вы понимали, в то время быть неформалом в провинциальном городе означало большой риск – везде тебя могли подкараулить, избить, ограбить.

Посещение рок-конcertов было двойным риском – на них ребята из соседних кварталов приходили огромными толпами и нападали на длинноволосых и странноватых посетителей этих сборищ. А если неформалов было слишком много, то вылавливали после концерта небольшими группами.

Я очень хорошо помнил свои ощущения незащищенности перед ними и адреналина, который сопровождал меня всегда.

Как-то за нами увязалась целая компания гопников, они сели в автобус, на котором мы ехали домой, и ждали, на какой остановке мы выйдем, чтобы устроить расправу.

Как и куда убежать? Кого позвать на помощь? Как оторваться от них? Ничего осмысленного в голову не приходило.

Взрослые боязливо вжимались в кресла и делали вид, что происходящее их не касается. Изредка какая-нибудь бабушка или женщина могла вступить и пристыдить, но тут же обычно получала очень грубый ответ от дерзких подвыпивших подростков.

Водитель объявил мою остановку: «Магазин “Деликатесы”». Пора.

Я дождался, когда двери начнут закрываться, и рванул из автобуса, выпрыгнув практически на ходу. Реакция преследователей была мгновенной, и они, удерживая двери, высыпали за мной.

Я метнулся в сторону своего подъезда, но было не убежать. Расстояние настолько мизерное, что я даже не успел бы набрать цифры на домофоне.

И тут я увидел серебристую «БМВ», в салоне которой сидел типичный представитель тольяттинской братвы. Я сбавил темп и крикнул, двигаясь к машине, – так, чтобы толпа сзади слышала, а владелец машины нет: «Брат, тут за мной придурки какие-то гонятся!»

Толпа сзади спряталась за остановку. Запыхавшись от волнения, я подошел к водительскому окну и, стараясь выглядеть как можно более естественно, спросил – на этот раз так, чтобы мой собеседник слышал, а гопники за остановкой – нет:

– Извините, пожалуйста, время не подскажете?

– Что-о-о? – удивился он.

– Время не подскажете? А то у меня часов нет.

Он удивленно посмотрел на меня, потом на часы.

– Одиннадцать.

– Спасибо, – сказал я. Обернулся. Показал еще раз пальцем на остановку, якобы рассказывая ему о своих обидчи-

ках. И медленно пошел к своему подъезду.

Ребята так и стояли около остановки, пока я не дошел до своего дома, а потом, видимо, поняв, что я их надурил, бросились за мной.

Пулей влетев на 9-й этаж, я дрожащими руками открыл и быстро захлопнул дверь, а потом еще долго слушал топот ног и матерные крики моих преследователей, которые упустили добычу.

Но добычей я больше быть не хотел.

Качай железо, бритоголовый!

В рок-тусовке было весело и прикольно. Алкоголь, музыка, девчонки, адреналин. Но вся эта реальность бесконечно вертелась вокруг одной и той же оси. В ней не было чего-то главного. Новых смыслов, новых идей. И я стал инстинктивно искать вокруг себя что-то другое.

Однажды перед очередным сейшеном мы шли за пивом с компанией десятиклассников. Я немного отстал от них, общаясь с кем-то из приятелей, а когда догнал – увидел, что они всей толпой стоят и разговаривают с двумя лысыми парнями.

Разговора я не слышал, увидел только, что мои старшие товарищи что-то отдали этим двум, а как только они отошли в сторону – вдруг бросились бежать.

Я кричал им вслед, но они не останавливались и даже не обернулись.

Я побежал за ними. Мы пробежали через дорогу, забежали в соседний квартал, молча залетели в подъезд желтой кирпичной девятиэтажки и выбежали на крышу через открытую дверь чердака.

С трудом отдышавшись, я спросил их:

– Ребят, вы чего?!

А они стоят, трясутся:

– Ты что, Серый, дурак? Ты видел, кто это? Это же скины!

– Какие еще скины? Вы зачем им деньги отдали?!

– Да они же убийцы!

– Вы что, – говорю, – нас почти десять человек, а их двое.

И они за вами даже не гнались. Я сейчас арматуру найду и отделаю их.

– Да они ее тебе в жопу засунут!

Вчерашние авторитеты мгновенно перестали быть таковыми. А вот кто такие скины и почему их так боятся, мне стало интересно.

Пару недель мы с другом собирали информацию: кто они, чем увлекаются, где тусят. Оказалось, что в основном эти ребята собираются на футбольных матчах в так называемом фан-секторе, а после устраивают драки то с ОМОНОм, то с торговцами местных рынков.

Наше российское фанатское сообщество тогда активно создавало свои группировки в подражание английским «фирмам», чтобы сходиться стенка на стенку после матчей. Тольятти в этом смысле город подходящий, почти Ливерпуль: стоит на большой воде, гордится великим рабочим прошлым. Только вместо «Beatles» тут были «Руки вверх!», да и футбол немного до уровня английской премьер-лиги не дотягивает.

Матч тольяттинской «Лады» с саратовским «Соколом» был назначен на следующее воскресенье. И конечно, мы решили туда пойти. Не из-за футбола.

Было очень страшно. Наслушавшись рассказов о жесто-

кости этих ребят, мы знали, что с нами может произойти все что угодно.

Для уверенности мы взяли из дома по отвертке, засунули их в карманы курток, решив, что в случае нападения будем отбиваться до конца. И пошли в фанатский сектор.

– Первый раз здесь? – обратился ко мне бритоголовый в камуфляжной куртке с коротким воротником.

– Да, – ответил я.

– Ладно, молодцы, осматривайтесь, – сказал он и прошел мимо.

Ну, а дальше была организованная вакханалия – мы хором орали тогда еще новые для нас фанатские кричалки типа «Отсосите у НЬЮ-СИТИ!» или «Пока мы едины, мы непобедимы!», запускали руками волны по стадиону, а после матча пошли организованной толпой в 100 человек через весь город.

Впечатления были незабываемые. От восторга единения и принадлежности к чему-то огромному, к какой-то новой мощной силе, внутри все сжималось и буквально ликовало.

Вот это – мое!

Я пришел на стадион из любопытства – мне было интересно понять, что же за опасная и неизвестная сила так пугала людей, в прошлом бывших для меня авторитетами. И очень быстро втянулся. В фанатских стрелках на выездах я не участвовал, а вот массовые драки в родном городе впечатляли.

Скины поначалу производили впечатление организованной силы, которая никого не боится: ни ментов, ни гопников, ни наркоманов, ни бандитов, ни диаспор. Ощущение единства, поддержки, всемогущества – это то, что давало нам, со всем еще юным мальчишкам, участие в «движении».

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы разобраться, что к чему.

Осмотревшись, я быстро понял, что все это просто веселое времяпрепровождение. Драки, выезды, адреналин и алкоголь. Здесь снова не было того, чего я искал и не нашел в своих прошлых реальностях – смыслов и идей.

Кроме внешней атрибутики и бессмысленной, а главное – плохо контролируемой агрессии, я ничего не видел.

И решил сделать все по-другому.

Я решил собрать собственную группировку. Кучка из трех человек превратилась в компанию из нескольких десятков ребят. Принцип отбора был простой и примитивный: брали всех, кто приходил, по принципу «чем больше, тем лучше».

Но откровенных фриков и отморозков отсеивали. Этим мы и стали отличаться от фанатов. У нас были и совсем молодняк, и ребята, которые только вернулись из Чечни, служившие в спецподразделениях, а потом и взрослые сторонники.

Мне сложно сказать, как и почему мы притягивались друг к другу. Думаю, многие искали «руку», дружественную силу,

общность.

Сейчас этот же принцип я использую и в компании – мы набираем людей, которые близки по духу, исповедуют те же ценности. Об этом говорят самые продвинутые гуру менеджмента, но мы тогда поступали интуитивно и ничего о «науке подбора кадров» не знали.

Да и что такое менеджмент, лидерство, тимбилдинг и прочие красивые умные слова? Естественные социальные явления, которые даже без научных таинственных практик развиваются в любой среде, на протяжении всей нашей жизни.

А у науки управления главная задача одна – исследовать этот процесс и сделать его максимально эффективным, устранив потери и конфликты между людьми.

Брат мой, Роман – он не то чтобы участвовал в движении, скорее наблюдал – однажды сказал: «Вот, что меня действительно захлестнуло – у вас было братство. Своего рода мини-семья».

Это очень привлекало – такое было не везде.

И все же нас объединяло не только банальное подростковое стремление сбиться в стаю, а нечто большее. Нас беспокоили темы более высокого порядка.

Почему все палатки держат чужаки, а русские их только охраняют? Что вообще происходит со страной, куда она катится? Когда подобные вопросы тревожат подростка, он интуитивно ищет единомышленников. А жизнь в Тольятти (и других провинциальных городах) тех лет была устроена так,

что ответ на безобидный вопрос, с чего начинается Родина, неравнодушные молодые ребята рано или поздно получали в ультраправой среде.

Почему? Не последнюю роль играли СМИ. Везде пестрели сюжеты, как правая молодежь дала отбор обидчикам то в одном, то в другом городе, попутно журналисты рассказывали про идеологию, образы, символику.

Фактически, как мне казалось, тогда само время создавало подростковый культ силы с двумя полюсами – либо бандиты, выросшие из бывших спортсменов, либо фанаты и ультраправые, дети в основном из благополучных семей.

Если бы государство в те годы занималось молодежью, если бы были молодежные секции, возможно, подростковые идеалы и образы героев формировались бы правильно, а множество молодых пацанов не загремели бы в тюрьмы и не погибли в бандитских разборках 90-х.

Мы отличались от бандитов только одним: они гнались за наживой и сознательно нарушали закон, а мы – за идеей, и нарушение законов было только побочным эффектом, на уровне хулиганства. Мы казались себе благородными – эдакими современными мушкетерами, вставшими на борьбу с несправедливостью: «Один за всех и все за одного!»

А ощущение тотальной несправедливости в те годы витало в воздухе: ситуацию с «нерусскими» обсуждали на кухнях во всех семьях моих друзей.

Сначала говорили о том, что их просто стало много. По-

том – что они начали «зарабатывать больше всех». Еще позже пошли разговоры о том, что кавказцы идут во власть, покупают должности в прокуратуре и УВД. Многие русские нанимались к ним на работу в качестве обслуживающего персонала. Простые люди боялись, непростые думали о сопротивлении. Все это складывалось в ощущение, что у нас из-под носа уводят собственную страну.

Смотрели фильм «Война»? Там один из чеченцев произносит монолог: «Украину отдали... Казахстан... Половину страны отдали. Просто так. Скоро Дальний Восток китаец заберет. Вот вы со мной воюете, а у меня в Москве: гостиница, три ресторана, четыре бригады. Питер, Москва, Самара. Я русских дою, как коз, а они еще мне из бюджета деньги дают».

Все-таки Балабанов время чувствовал идеально.

Как я к этому пришел?

Множество обстоятельств, чувств, боли и переживаний в какой-то момент соединились в одной точке.

Все началось с детства, когда я, может быть, впервые столкнулся с непонятной мне несправедливостью. У нас были родственники в Казахстане, и мне «повезло» оказаться там в самый разгар «парада суверенитетов». Я помню то время отрывочно.

Мне 5 лет. Звонит бабушка Лиля из Алма-Аты. По лицу мамы вижу, что разговор необычный. Я чувствую тревогу, страх: «Мам, мам, что с бабушкой?»

Она была очень энергичным и жизнерадостным человеком, просто лучилась любовью к людям. В Алма-Ате она владела небольшой парикмахерской, и сама с большим удовольствием работала в ней. В те годы (чего я тогда, конечно, не знал и не понимал) в Казахстане распространились русофобские настроения – к русским (с которыми казахи испокон веков жили по-братски) начали относиться, как к понаехавшим.

Ответил отец:

– На бабушкину парикмахерскую ночью был совершен налет. Все сожгли. Пожарные приехали, когда от здания осталась только обугленный каркас.

На вопрос, почему и за что, родители ответить не смогли.

Второй эпизод. Мне 9 лет. Мы едем в Казахстан в гости к родителям отца на машине. Местные на иномарке прижимают нас к обочине и затевают разборку: «Убирайтесь отсюда, это не ваша земля!»

Мне 11 лет. Едем в Алма-Ату уже на поезде. Мама сделала замечание проводнику за грязь в вагоне. Я лежал на верхней полке и читал журнал. Как вдруг будто сквозь сон услышал: «Ты мне указывать будешь, русская свинья?»

Я мгновенно, в слепой ярости, бросился с верхней полки на существо, от которого исходили эти звуки, но отец оттащил меня.

Что происходило дальше я долгое время не помнил. Для психики каждого ребенка воспоминания о том, как оскорбляли его родителей, слишком тяжелы, чтобы держать их в сознании.

Лишь спустя много лет отец рассказал мне о том, что после этого он увел проводника в свое купе, убеждал его извиниться, но тот был в неадекватном состоянии. Разговор продолжили с транспортной милицией, вместе с которой они и успокоили дебошира.

Когда я учился в пятом классе, разразилась первая чеченская. Начались теракты. На экранах телевизоров сообщали о взрывах домов, которые происходили то в одном, то в другом городе. «Будьте бдительны!» – звучало со всех сторон. «Обращайте внимание на оставленные сумки. Не подходите

к ним. Звоните в милицию».

В те годы я, как и любой мальчишка, мечтал стать героем. С самого детства сильно переживал за свою Родину, страну, народ. И каждый день после школы бродил по ближайшей автостоянке, вычисляя, какие машины стоят на месте неестественно долго. Записывал их номера в блокнотик, чтобы вычислить ту, которая брошена террористами и начинена взрывчаткой.

Вторая чеченская застала меня в 9-м классе.

Я смотрел военные репортажи, сюжеты о зверствах боевиков, читал истории о том, как наших солдат заставляли отречься от веры, а когда те отказывались, расправлялись с особой жестокостью. Кулаки сжимались и белели от ярости, а к горлу подступали слезы бессилия.

Однажды я решил – поеду воевать. Купил камуфляжный костюм, побрился налысо, перекинул наперевес сумку, но по пути в военкомат решил зайти в школу.

«Сергей, это что еще за гитлерюгенд⁴?!» – неприятно удивилась учительница истории, наш классный руководитель. Я ей спокойно так ответил: «Да в Чечне наших солдат вообще-то убивают, при чем тут Гитлер?»

Она промолчала. Я еще не знал, что такое гитлерюгенд, но скоро разобрался.

⁴ Гитлерюгенд – молодежная организация НСДАП. Членами союза были только юноши, для девушек существовал отдельный Союз немецких девушек. Запрещена в 1945 году в процессе денацификации.

Поздний вечер. Остановка. Я и две мои знакомые девочки ждем автобус после репетиции. Рядом высокий парень, то ли таджик, то ли узбек. Я подхожу. Специально, по-доброму, улыбаюсь ему, чтобы не спугнуть.

– Нравится в России?

– Очень!

Он поначалу настроен дружелюбно.

– И много вас тут таких?

– Целая общага! Скоро еще родственники приедут.

Драки не было – после первого же удара в челюсть он убежал. Оказалось – за подмогой. Его общежитие было расположено сразу за остановкой.

Вернулись они уже втроем или вчетвером. Бой получился неравным. Через несколько минут я начал задыхаться. Подмоги ждать неоткуда. Пришлось снова включать хитрость. Я отскочил в сторону, резко рванул молнию бомбера и засунул руку внутрь. Резко вытащил руку, сложил вместе два указательных пальца, будто держу пистолет, и кричу: «Всем стоять, стрелять буду!» В темноте они не разобрались, убежали. Я еще зачем-то пробежал за ними с вытянутыми руками до арки их общаги и, когда они скрылись за углом, быстро, еле дыша, вернулся назад. Надо было срочно смываться самим. Вдруг мы увидели машину, которая встала у обочины.

– Ребят, садитесь, быстрее! – послышался женский голос. Мы с девчонками прыгаем внутрь. Там парень с девушкой. Девушка испуганно:

– Ты случайно не из этих?

– Из этих, из этих.

– Я только из Чечни приехал, – сказал интеллигентного вида в очках молодой водитель и нажал на педаль газа.

Свою группировку мы называли «Белые волки». Когда нас было уже человек 10, я стал устанавливать порядки, придумывал повестку. Я жадно впитывал информацию, зачитывался книгами и статьями о фанатских и ультраправых группировках, о партийном строительстве, о черносотенцах и белогвардейцах, о германских, итальянских и британских национал-социалистах.

Конечно, влияли фильмы и музыка. «Румпер Стумпер – или бритоголовые», «Американская история X» – мы, подростки, не видели и не хотели видеть мораль, о которой рассказывалось в них, не умели различать, что хорошо и что плохо. Ну и что, что главный герой фильма попал в тюрьму, ну и что, что половину друзей переубивали? Зато какая мощь и сила исходили от них. Это я и стремился копировать и воссоздать в себе.

Как часто взрослые пытаются говорить с подростками, но этот разговор выходит не на их языке. Весь смысл улетает в пустоту.

К нам потихоньку прибивались люди, которые раньше просто тусовались с болельщиками. Про «Белых волков» в городе стали рассказывать какие-то легенды. В молодежной среде говорили, что мы полные отморозки, у нас руки

по локоть в крови, что мы отрезаем врагам уши, забиваем до полусмерти. Мы ничего не опровергали. С одной стороны, почти все подвиги, которые нам приписывали, не имели с реальностью ничего общего. Но с другой – наше влияние и авторитет в молодежной среде росли.

«Драк больше не будет!»

Были ли мы настоящими скинхедами?

Может быть, несколько первых месяцев, когда только начали впитывать всю эту атмосферу. Но довольно быстро спрогрессировали. Нам хотелось чего-то большего. Я скрупулезно изучал теперь уже запрещенные книжки, которые тогда можно было легко купить. Мы думали о том, как нести свои идеи в массы, создали рок-группу «White Storm», проводили собственные концерты, пытались выступать на разных фестивалях, ребята печатали листовки, оставаясь в офисах после работы, записывали музыкальные диски, делились видеофильмами.

Мы собирались сначала в одной и той же беседке и без конца обсуждали, как спасти страну. Потом «штаб-квартира» сменилась на гамбургерную возле института сервиса, а через год у «Белых волков» появился первый офис, который нам безвозмездно предоставил один из наших сторонников.

В своей небольшой пока команде мы насаждали жесткую дисциплину, формировали свои правила, которые отражали наши представления об идеальном обществе и государстве. Неформалы, панки, альтернативщики – все это осталось в прошлом, мы не признавали их тяги к анархии, пьянству, демонстративному разгильдяйству.

Однажды мы играли концерт в одном училище. Админи-

страция предоставила нам актовЫй зал, оказав столь важное на тот момент доверие. И вдруг после окончания концерта к нам подошел худрук и сказал: «Ребят, из зала пропали шторы».

Я был в бешенстве. Мы так долго добивались доверия взрослых, а тут вся наша репутация ставится под сомнение. Из-за того, что какие-то придурки из фойе украли шторы.

Я приказал закрыть все входы, ребята тут же всё заблокировали. Мы построили всех в шеренгу – шторы были найдены и немедленно возвращены. А воров, из числа случайно попавшей к нам публики, мы наказали.

Но так или иначе, мы были частью уличной жизни, поэтому без драк не обходилось. Мы проверяли, на что способны. Учились рассчитывать свои силы. Удивительно, но многие из тех, кто не прятался тогда от драк и конфликтов, сегодня выросли в неплохих предпринимателей. Впрочем, это закономерно, ведь внутренне они не сильно изменились. Были адреналиновыми наркоманами – ими же и остались. Просто эволюционировало их отношение к риску. Раньше они рисковали своим и чужим здоровьем, а теперь научились идти на осмысленный риск развивать бизнес, достигать поставленных целей.

Дрались мы регулярно. Стычки происходили по разным причинам. Вариант первый – в ответ на внешний вызов. После нападения на нас или наших знакомых. В это время ко мне уже довольно часто стали обращаться мои прежние, ме-

нее боевые товарищи из рокеров и неформалов с просьбой заступиться за них. Вариант второй – по собственной инициативе. Это были так называемые «рейды» после концертов или футбольных матчей. По рынкам или недружественным кварталам, где обитали «оппоненты». Вариант третий – просто случайные драки, случавшиеся в ходе пьяных конфликтов на улицах или в кафешках.

В отдельную категорию попадали наркоманы и распространители наркотиков, которыми чаще всего являлись цыгане.

Бывало, что мы заступались за девчонок, к которым приставали кавказцы в парках или на дискотеках. В случае победы это был внутренний триумф. Но нередко выплески агрессии сопровождались и приступами стыда. За один такой случай мне стыдно до сих пор. Однажды вечером мы шли с ребятами по кварталу, и какая-то цыганка стала просить у меня денег, а я жестко ударил ее и отбросил от себя.

Гнев, стыд, вина, ненависть, страх, боль – ядерный коктейль в подростковой голове, который на время превратил когда-то спокойного и правильного мальчишку в отвязного и жесткого придурка.

Особенно люто мы ненавидели наркоманов и наркоторговцев. Ненавидели, независимо от их национальности и цвета кожи. Мы воспринимали их как угрозу нации, негодяев, которые подрывают и без того ослабленный иммунитет народа. Но каждая ненависть рождает ответную силу. Одна-

жды она настигла и меня.

– Дерек, Дерек, там твою машину вскрывают чернокожие! – закричал его младший брат.

Дерек быстро поднялся, взял в руки ствол и выбежал из дома.

Около его машины с разбитыми стеклами стояло несколько афроамериканцев. Увидев его, они бросились врассыпную. Один не успел.

Дерек схватил его за шею и положил голову на бордюр. Размахнувшись, изо всей силы он нанес ему сверху вниз смертельный удар.

Это эпизод, с которого начинается фильм «Американская история Х». Про раскаявшегося лидера ультраправых.

– Зубы на бордюр, мразь, зубы на бордюр, – тащил я извивавшегося подростка. Вокруг все было в крови – автобусная остановка, столбы, асфальт, бордюры – уже не кино, а реальность.

– Зубы на бордюр! – Вдруг откуда-то справа я ощутил резкий толчок, который на мгновение сбил меня с ног. Этого мгновения противнику хватило на то, чтобы...

Но начнем сначала.

Тольятти – город небольшой, «колхоз-переросток», тут от идейного конфликта до личного один шаг. На моей лестнич-

ной площадке наркозависимые держали притон. И был у них пацан на побегушках – старше меня года на три. Подсадил на иглу сестру моего товарища. Родители девчонку спрятали в деревне, а тот красавец все приходил искать ее к ним домой.

В один из таких вечеров мы сидели дома у нашего друга.

– Парни, нужна ваша помощь, я не знаю, как мне быть. Совсем сестру стравливают. На иглу подсадили и не отпускают. Мама ее в деревню увезла, но вечно она там жить не сможет. А они все ходят и ходят каждый день сюда, собираются толпой около дома. Я один сделать ничего не могу.

Тут раздался звонок в дверь.

– Стой, я открою. – Я бросился в носках на лестничную площадку. Там стоял мой старый знакомый – наркоман из притона в моем квартале.

– Ты чего сюда пришел? – Он не воспринял меня всерьез.

– Где Эля, салага?

– Это не важно. Чтобы больше никто из вас здесь не появлялся. Иначе я вас всех порешаю. Ты понял?

– Охренел? Ты с кем разговариваешь?

В общем, назад на лифте он ехал на первый этаж без сознания. Но на этом все не закончилось.

В тот вечер я возвращался домой с подругами, и вдруг сзади крик:

– Эй, баклан, это ты тут наркоманов не любишь?

Я понял, что начинается заварушка.

– Настя, иди за Антоном. Марин, а ты давай за нашими:

если найдешь, скажи, чтобы быстро рвали сюда.

Девчонки побежали за подмогой. Я повернулся. Их было человек десять. Они быстро взяли меня в плотное кольцо. Для тех, кто никогда не имел дело с наркоманами, поясню, что это вовсе не обязательно заколотые доходяги, которых плевком перешибешь. Передо мной стояли обычные дворовые парни с не самыми слабыми руками и ногами.

– За базар отвечать надо!

Это был тот случай, когда ждать не имело смысла и нужно было бить первым. Я и ударил.

Исход драки мог бы быть другим, если бы мне не помешал алкоголь. Точнее, если бы он не помог. Все произошло очень стремительно, почти моментально. Секунда – и мы с противниками уже на земле. Подо мной кто-то из парней. Я бью его по лицу об асфальт, он еще пытается сопротивляться. Его друзья лупят меня ногами по телу, но этих ударов я уже не чувствую. Желание подавить сопротивление противника, разорвать его и броситься на следующего – сильнее боли.

Вдруг что-то произошло. Вспышка в глазах. Темнота.

Я на мгновение теряю сознание. Встаю. Кружится голова. Я смотрю на людей вокруг, но ничего не понимаю. Они как будто в страхе отодвигаются от меня.

Опускаю глаза вниз и вижу кровь. Чувствую жжение где-то слева.

Прикасаюсь к лицу – на моей руке моя щека.

– Кто меня порезал? – зарычал я. – Ты тварь? – Я схватил

первого попавшегося.

– Не я.

– Ты? – Они бросились врассыпную. Я увидел фигуру пацана, который был в моей крови больше всех.

Тут я потерял над собой контроль.

Я несколько раз ударил его о павильон остановки. И продолжал наносить удары.

Я потащил его к обочине. В голове пронеслись кадры из фильма. – Зубы на бордюр, сука, зубы на бордюр!

Под ударами он почти перестал сопротивляться. Я схватил его за шею и прижал к асфальту.

Кто-то кричит сбоку и сбивает меня с ног.

Я отлетаю в сторону. Это что еще за мудаки?

– Отойди, мужик. Не вмешивайся. – Я снова хватаю парня и тащу его.

Мужик врезается в меня с разбегу. Толчок. Я теряю хватку. Парень успевает убежать. Я теряю его из виду. Рядом продолжается драка. На дороге лежит кто-то из парней со стороны наркоманов. Все в дымке, тумане. Беру шарф, складываю его в несколько слоев и зажимаю лицо. Что-то вспоминаю о том, что от кровопотери можно умереть. Мозг подсказывает: надо в травмпункт. Торможу машины. Все пролетают мимо.

Вдруг мужской голос зовет меня: «Садись быстро, поехали!»

Это тот самый мужик, который сбил меня с ног, в травм-

пункте я сидел и ждал очереди. Позвонил отцу: «Пап, меня немного порезали, ты только маме не говори». Конечно, они приехали вдвоем, мама в слезах. А мой спаситель, дождав-шись, пока приедут родители, так же неожиданно исчез, как и появился.

Щеку зашили, но шрам, как видите, остался на всю жизнь.

История на этом не закончилась. Я же говорю, Тольятти – маленькая деревня, каждый хоть раз в жизни пересекался с каждым.

Мой отец работал следователем. Через пару лет после той драки он допрашивал очередного подозреваемого. Светило тому порядочно, уже не помню за что. А у меня отец – человек душевный, с преступниками всегда общался на равных. Они разговорились, и подозреваемый разоткровенничался:

– Много я, конечно, в жизни зла натворил, но были и доб-рые дела. Как-то раз двух пацанов спас – одного от смерти, другого от тюрьмы. Один со щекой отрезанной, я его из драки вытащил, а то без трупа точно бы не обошлось. Жизнь бы себе сломал, дурак. Надеюсь, на том свете зачтется.

Я теперь вспоминаю этого мужика, когда начинаю осуж-дать кого-либо. Я говорю себе: «Стоп. Перед тобой просто человек, который совершил глупый поступок. Но откуда ты знаешь, на что он еще способен? Может быть, случись война, этот парень тебя из-под обстрела раненого вытащит. А кто-нибудь другой, с безупречной репутацией – оставит умирать

на поле боя».

Ненависть всегда держится на мифе. Мы в своем воображении превращаем неудобного человека в символ зла и начинаем его ненавидеть. По сути, эта подмена и есть корень всякой войны.

«Белые волки» просуществовали меньше полугода. Однажды, находясь на чужой территории в Самаре, один из лидеров самарских фанов по кличке Чудо вызвал меня на разговор. Нас обступили 10 человек из его основы.

– До меня дошли слухи, что у тольяттинских главный теперь ты. Когда будут драки между нашими городами?

Я не знаю, с чего он взял, что я главный, но в тот момент мое самолюбие возликовало. Я почувствовал, что еще одна цель, к которой я интуитивно стремился, достигнута. И, как это всегда бывало, тут же потерял к ней интерес.

– Драк больше не будет никогда.

– То есть как? Всегда были, а теперь не будет?

– Потому что это бесполезная трата времени. У вас есть бойцы, и у нас есть. Силы нужно объединять для борьбы за общие интересы, а не расходовать на драки друг с другом.

– Да? А полтора года назад в Доме пионеров на сейшене не ты ли прыгал на меня с кулаками в футболке Screwdriver?

Я чуть было не покраснел, но не подал виду.

– Я. Был таким же дураком тогда. Но теперь поумнел немного.

Сила скинхедов была в известном смысле иллюзией. На

меня дважды заводили уголовные дела, в них не было никакого состава преступления, но, если бы мой отец не работал в органах, нашли бы. Однажды он попросил своих коллег провести со мной беседу. Опера говорили: «Сергея, не занимайся фигней, в этом вашем движении полно стукачей. Вы крайние. Вас сольют в ту же минуту, как только понадобится пугнуть народ националистами, или прикроют вами чужой косяк».

Я всерьез не задумывался над их словами, но определенные ростки в моем сознании они посеяли. В каждой культуре есть люди, которые ее потребляют, и люди, которые ее создают. Применительно к праворадикальному движению того времени 90 % его участников – оголтелая массовка. Крики, лозунги, концерты, пиво, драки. Мы тоже какое-то время кричали «Слава России!», пили водку, занюхивали хлебом и закуривали «Беломором». Но это быстро прошло – буквально за пару месяцев. А потом мы быстро эволюционировали из потребителей праворадикальной культуры в ее создателей. Я читал Ильина, Столыпина, историю Колчака, основателей Белого движения и других великих русских деятелей и мыслителей. Из единомышленников мы теперь ориентировались на московских националистов – таких, как Белов-Поткин из ДПНИ. Людей, которые, как нам тогда казалось, уже масштабно мыслили, управляли серьезными проектами.

В определенном смысле мы стали более опасны для си-

стемы.

Я помню, как однажды нас задержала полиция. Меня начали обыскивать. Нашли документы из Академии госслужбы при президенте: тогда я уже снова взялся за ум (хотя бы в вопросе получения высшего образования) и поступил в этот вуз. Опер удивился: «О как! Ну, и какие у тебя там оценки? Двоек много?» – «Одни пятерки». – «Ну, надо же. Лидер группировки, Академия госслужбы... Опасный ты парень». Я эту формулировку запомнил.

«Коловрат»

Но главное разочарование в движении было связано даже не с рисками, а с отсутствием возможности реально что-то изменить. Мне хотелось большего. Я искал возможности выйти на новый уровень, расширить свой круг влияния, сделать что-то настоящее.

Новое дело я придумал себе сам. Решил устроить первый в Тольятти концерт группы «Коловрат».

Для ультраправой молодежи из провинции «Коловрат» были небожителями. Авангард движения. Высшая планка. Но с музыкантами, как ни странно, я договорился через форумы почти сразу, а вот правоохранительные органы оказали, так скажем, противодействие.

Это меня только раззадорило. На организацию ушло полгода. Директор первой площадки – концертного зала комплексного общежития № 3 – вернула предоплату за неделю до выступления по звонку из местного отделения ФСБ. Ситуация повторилась несколько раз, пока я не догадался искать поддержки на другом полюсе – у владельцев местных ночных клубов из криминальной среды.

К тому времени я подрабатывал охранником. Сначала меня даже привлекал образ секьюрити. Через отца я устроился работать в ЧОП к его другу, бывшему милиционеру – тогда я как раз бросил местный университет и еще не собрался по-

ступать в Академию. Работа «сутки через трое» позволяла заниматься своими делами, развиваться. Поначалу я охранял разные объекты, но хотел попасть в службу безопасности МДС – это самое центровое место в Тольятти того времени: наверху клуб, где тусовалась вся молодежь города, а внизу, на первом этаже, казино.

Вскоре желание мое осуществилось. Мы были своего рода элитным подразделением: пиджак, галстук, черные очки – почти как в фильмах про Джеймса Бонда. Страсти в казино кипели нешуточные, некоторые проигрывали за ночь месячную зарплату, машину, квартиру. Публика собиралась разная: коммерсанты, бандиты, случайно зашедшие попытать удачу вазовские рабочие. Установка у нас была такой – все конфликты улаживать. Применение силы – только в самом крайнем случае. Но «улаживать» – не так-то просто, когда перед тобой человек со стволом за поясом, пьяный не только от алкоголя, но и от привычки ко вседозволенности. Труднее всего было с дамами. Они понимали, что мы руку на них не поднимем, поэтому вели себя, мягко говоря, не по-женски. Почему-то утихомиривать слабый пол лучше всех получалось у меня. То ли благодаря глубокому басу, то ли харизме, то ли шраму во всю щеку – мне удавалось произвести на женщин впечатление, спокойно поговорить с ними и убедить покинуть помещение, выразив при этом к ним свою личную симпатию.

Бывало, что в клуб заявлялись и сами бандиты из той или

иной группировки. Вели себя по-разному. Некоторые были очень спокойными и вежливыми. А некоторые дерзкими и хамоватыми: пили всю ночь, оскорбляли крупье, кидали в них фишками, выливали шампанское на столы. Ближе к утру начинался такой бардак, что в дело включались уже другие ребята, которые профессионально выпроваживали нарушителей – аккуратно, но жестко.

Помню один случай, который меня впечатлил. На лестнице, ведущей на второй этаж, спокойно стоит телохранитель Валера (телохранители владельцев заведения – высшая каста среди охраны), а перед ним пьяный коммерсант из числа местной богемы – кажется, директор одной городской радиостанции. Минут пять Валера молча выслушивал матерные рулады в свой адрес, но богему несло. Я наблюдал и поражаюсь выдержке старшего товарища. Вдруг резкий хук справа, апперкот левой – и Валера поднял в воздух противника так, что тот через красивое акробатическое сальто улетел на первый этаж. Удар мастерский, коммерсант получил незначительные повреждения. На следующий день приехал с извинениями – что, наверное, характеризует его как человека совестливого, но пугливого.

Вот примерно к таким ребятам, как Валера, я и пришел с идеей провести концерт «Коловрата». Стоим у входа. Подходят крупные мужчины в черных плащах, как из сериала «Бригада».

– Пойдем, поедим, там все обсудим, – сказал он, кивая

головой в сторону своего ресторана.

– Не голоден, спасибо.

К тому моменту я еще никогда в жизни не сидел за столиком ресторана и сильно сомневался, что смогу заплатить хотя бы за картошку фри.

– Ну, как знаешь. Сереж, идея понятна. Зал я вам представлю. Охрана вам нужна?

– Нет, у меня свои.

– Ну ладно, смотри. Там у меня диванов на миллион. Если что случится – ты отвечаешь.

– По рукам.

Мы напечатали билеты в типографии, где работал наш товарищ. Они разлетелись уже за несколько недель до концерта. День X прошел без форс-мажоров. Приехал автобус ребят из Самары, были гости из соседних городов, и, конечно, все тольяттинцы, которые имели отношение к движению. Мы почти ничего не заработали, но я был счастлив. Сел на дорожный кожаный диван в стороне от сцены, открыл пиво и вдруг понял, что сделал первый по-настоящему крупный и успешный проект в своей жизни. Проект – выше своей головы.

Наверное, жажда предпринимательства была во мне всегда. Но я очень долго ее не осознавал. Путал с чем-то другим. Не чувствовал, как правильно использовать эту энергию. Но постепенно она все-таки отвоевывала место в моем сознании. Последней каплей стал громкий случай в автобусе

Газета «Коммерсантъ» от 6 октября 2001 года:

«Около девяти вечера на улице 70-летия Октября в Автозаводском районе Тольятти произошла массовая драка. Два десятка пьяных скинхедов, ехавших в автобусе 32-го маршрута, принялись избивать всех, кто находился в салоне. Позднее выяснилось, что в тот день один из скинхедов, встретившись с товарищами, рассказал им, что его только что избili рэперы, вражда с которыми – одна из главных заповедей скинхедского движения. Скинхеды решили отомстить, сели в автобус и отправились в другой микрорайон на место предполагаемой драки. В тот же вечер неподалеку, в клубе «Дельтаплан», проходили выступления местных рэп-команд. И выходящие из клуба подростки сели в тот же автобус, где ехали скинхеды. Между ними завязалась драка. В результате в реанимации Медгородка оказался 16-летний Алексей Худин. Его состояние оценивалось врачами как крайне тяжелое: многочисленные ушибы мягких тканей лица, тяжелая черепно-мозговая травма, сломана лобная кость, повреждения мозга. Почти неделю парень не приходил в сознание, были опасения, что он не выживет. К счастью, врачи вывели пострадавшего, но он стал инвалидом II группы.

Сразу после драки Автозаводским РУВД было возбуждено уголовное дело, и уже спустя три дня оперативники за-

держали пятерых тольяттинцев в возрасте от 17 до 20 лет – Владимира Быкова, Владимира Прилипухова, Олега Денищикова, Константина Заворохина и Максима Салова. Им было предъявлено обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений и умышленном хулиганстве».

Меня в автобусе № 32 тогда не оказалось по чистой случайности. Процесс гремел на всю страну, журналисты приезжали даже из Москвы. Парни, которых взяли, были наши приятели: Клетчатый, Голодный, Баклан, Дракон... Пацану, который больше всех пострадал, на голову на самом деле прыгнул какой-то 14-летний отмороженный придурок, по слухам, сын одного милицейского начальника. Ребята в итоге получили по 3,5 года общего режима. Тюрьму прошли, не только не сломались, но и поуменьли. Один теперь ведущий на радио. Другой – успешно развивает проекты в интернет-маркетинге, а параллельно учится на психотерапевта. Вообще, из нашей тогдашней среды, как ни странно, вышло очень много достойных людей – успешные предприниматели, талантливые управленцы, есть даже один хороший священник. Кто-то, конечно, погиб, кто-то спился, кто-то так и застыл на том же уровне 90-х или 2000-х. Но большинство – молодцы!

Наверное, это закономерно: ведь все мы были неравнодушными людьми, которые искали выхода своей творческой энергии и находили разные варианты.

И даже один очень хороший священник...

Лаборатория «Однажды» рассказывает историю о том, что у Бога точно есть чувство юмора.

Представьте, что судьба свела вместе угрюмого скинхеда и скромного улыбчивого священника. Скинхед успел поработать милиционером, дезертировал из армии, просадил кучу денег в игровые автоматы, имеет проблемы с алкоголем и условный срок за «тяжкие телесные». Священник окормляет приют для бывших осужденных, собирает вещи и еду бездомным, бессребреник и подвижник, любимец прихожан. Как вы думаете, будет им о чем поговорить?

Правильный ответ – да. Потому что это один и тот же человек. А каждому всегда найдется, о чем поговорить с самим собой.

На все случаи жизни у смешливого отца Вячеслава есть волшебные слова. «Да, нехорошо это у вас вышло. Но ничего. Господь все управит, как ему нужно». В трех предложениях все утешение мира. Принятие, успокоение, надежда и отрезвление – напоминание о том, что твоя правда и твоя надежда не самые главные в мире.

Для Сергея Лекторовича отец Вячеслав – важный человек – что-то вроде нравственного компаса. А для отца Вячеслава Сергей Лекторович тоже важный человек. Потому

что юношеская дружба – это, несмотря на ссоры и обиды, надолго. Вообще-то – навсегда.

1999 год

Стас Андреев замерзал на холодном бетонном полу, хоть и был пристегнут наручниками к горячей батарее. Но она только жарила спину и сушила воздух, остальные части тела удобно пристроить к теплу никак не получалось. Это досадное, совсем глупое неудобство уже несколько часов занимало его не меньше факта внезапного пленения.

В тот день его побили дважды.

Сначала допить портвейн в сквере на улице Мира помешала стая гопников. Налетели из-за угла, кинули мутную предъяву его товарищу по прозвищу Зуб, свалили обоих в грязный снег и давай бить ногами по печени и голове.

Стая запинала бы их до инвалидности, но в какой-то момент нападавших спугнул шагавший мимо милицейский.

Стас, покачиваясь, встал и поплелся в теплое, проверенное убежище, подпольную штаб-квартиру – компьютерный клуб «Портал». К своим. Свои – удача! – выпивали.

Компания была разноликая, из разных районов города. Они называли себя национал-социалистами и сошлись на общей привычке к радикальному образу мыслей. Особенно в политических вопросах, в которых, конечно, считали себя знатоками. Хотя большинству из них к началу нового тысячелетия не стукнуло даже восемнадцати.

Как всякие уважающие себя подростки с готовыми идея-

ми быстрого переустройства мира пацаны тянулись к высокому и пробовали творческие силы в собственной рок-группе под названием «White Storm». Стас писал для группы стихи: «И сердца наши скорбью отныне полны, потому что в опасности белая раса».

Среди завсегдатаев «Портала» он слыл самым начитанным. Родился в соседнем Жигулевске: городке, где на 50 тысяч жителей приходилось целых два вора в законе, и даже самый наивный жигулевец знал, что милиция, прокуратура и суд – под колпаком у диаспор. Стас рос худеньким, вдумчивым, скупым на улыбки юношей. Он подвергал анализу и сомнению всё – слова учителя истории, говорящих голов из телевизора и взрослых родственников. Он был нонконформистом без признаков самолюбования, то есть искренне искал ответы на важные для себя вопросы, обходя ловушки чрезмерных амбиций. Про карьеру думал мало. Все как-то пытался выяснить, чем, собственно, являлась его страна и чему тут стоило себя посвятить. С вариантами было туговато. Выучился на сварщика. Варить было нечего. Юридический факультет с повесткой дня разобраться не помог, и в итоге был брошен без сожаления.

Поиски в конце концов свели его с Сергеем Наумовым из общества «Память». Стас проникся искренним увлечением наставника, изучал его огромный, фанатично пополняемый архив о националистических движениях разных лет, таскал

книжки, читал Родзаевского⁵ и Муссолини⁶, размышлял. Он никогда никого не бил за взгляды и происхождение, вообще презирал силу как способ решения проблемы. Но в обычных, бытовых драках махался как все, то есть постоянно.

В «Портал» друзей пускал администратор Денис, он же Фашист по прозвищу и Белоиванов по паспорту, обладатель прекрасной говорящей фамилии. Он мало читал, много болтал, гонял мяч и терся в среде футбольного хулиганья группировки New City. Там было немало детей высокопоставленных местных силовиков: знаменитого тольяттинского следователя, прокурора района, командира ОМОНа. Это обеспечивало скинам некоторую безопасность.

Самым ярким персонажем в этой компании был Серега Лекторович. К 16-ти годам он заработал в драках репутацию безбашенного лося, что никак не мешало ему читать по вечерам с карандашом в руках Освальда Мосли⁷. Он мог свести брови, сжать губы и смотреть в упор, как ковбой из вестерна «Хороший, плохой, злой» – до тех пор, пока собеседник не терял самообладание. Но через пару мгновений

⁵ Константин Владимирович Родзаевский – лидер Всероссийской фашистской партии, созданной эмигрантами в Маньчжурии; основоположник русского фашизма, один из руководителей русских эмигрантов в Маньчжурии.

⁶ Бенито Амилькаре Андреа Муссолини – итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, вождь, возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 годах.

⁷ Сэр Освальд Эрнальд Мосли – британский политик, баронет, основатель Британского союза фашистов.

те же брови и губы медленно разъезжались в плутовскую гримасу, и угрожающий ковбой превращался в рубаху-парня. Лекторович был человеком действия, не равнодушным к тому, как это действие оценят окружающие. И жизнь его в основном состояла из череды самопроверок. Хватит ли меня на стычку с приезжими, что задела девчонок в парке Победы? Хватило. Можно двигаться дальше. Могу ли я заставить слушать себя с десяток пацанов на районе? Могу. Значит, нужно новое испытание.

А еще Серега никогда не бросал своих. За это многие прощали ему многое. И когда в тот день Стас доплелся до «Портала» и стянул с головы окровавленную шапку, Лекторович первым налил ему коньяка и предложил без промедления поймать такси и отправиться на поиски обидчиков.

Решили ехать к общаге на Мира – очевидному плацдарму противника – и выкрикивать под окнами угрозы. В такую форму к концу XX века переродилось требование сатисфакции за оскорбление чести.

Но с таксистом им крупно не свезло. Он оказался персонажем, как будто сошедшим со страниц сценария Алексея Балабанова.

– Ребята, называйте меня Король!

– Мужик, ты че, больной?

– Я Король! А вы кто?

– Мы русские националисты.

Стоило им гордо заявить о себе, и машина круто сменила

маршрут.

Вместо общаги водитель привез их на городскую станцию техобслуживания. Вокруг ни души. Тихо, холодно, темно.

– Эй, братан, выходи, я тебе гостей привез. Русские националисты!

Амбал-охранник, помянув Господа между двумя внятными ругательствами, схватил Стаса, как крокодил мартишку, и поволок в недра станции. Тот только успел заметить, что Серега свинтил, но не сомневался, что тот вернется с подкреплением. Вопрос времени.

*– Я, б**я, мордвин, ты че против нас имеешь?*

И кулаком под ребра. И еще. И еще.

«Неудачный выдался денек», – подумал Стас, прикрывая уже битую голову.

– Мужик, успокойся, мы против мордвы ничего не имеем, мы за законодательную защиту прав коренных народов России.

– Фашисты вы долбаные!

Так Стас и оказался у батареи. Мордвин приковал. И откуда у него взялись наручники?

Свои приехали через 3 часа – в дверях показалась бритая голова Лекторовича...

2004 год

В каптерке даги привычно «месили» новобранцев. Ожидая своей очереди, Стас вспомнил, что на проводах в армию ба-

бушка всучила ему крестик.

Стас – поклонник оккультизма Третьего рейха – братъ его не хотел. Но бабушку решил не обижать. Думал, выкинет на призывном пункте и совет, что потерял. Правда, потом все завертелось так быстро, что про крестик на груди он просто забыл.

А тут вдруг схватил его в кулак под одеялом и пролежал так до утра. Он толком не понимал, что делает, пытался криво молиться своими словами. Но наверху его запрос все-таки получили и явили ответ через несколько дней. В лице сослуживца Анвара, который хоть и был земляком этнодедов, но в их расправах участие принимать отказывался.

– Слушай, брат, я тут склад разбирал, Библию нашел, нужна? – Анвар протянул ему пыльную синюю книжищу, какие «Гедеоновы братья»⁸ пачками разносят по гостиницам мира с 1898 года.

– Почему мне?

– А кому? Мы, мусульмане, другие книги читаем.

Стас Библию протер и спрятал в тумбочке. Листал редко, но сам факт ее присутствия странным образом его под-

⁸ Ассоциация Евангельских Христиан Гедеон (также известная как «Гедеоновы братья», «Гедеон») – межцерковное содружество христиан, занимающееся распространением бесплатных экземпляров Библии более чем на 94 языках в 194 странах мира, в основном через комнаты в гостиницах и общежитиях. Для распространения Библии организация берет традиционный перевод той страны, в которой осуществляется миссия, и издает его многотысячными тиражами. В России «Гедеоновы братья» распространяют традиционный Синодальный перевод.

держивал. А до конца службы было еще далеко.

В военкомат он пришел сам, почти с аристократическим равнодушием к своей среднесрочной жизненной перспективе. К тому моменту Стас уже бросил унылый юридический факультет, бросил постыльную работу в милиции и даже не думал прятаться от призыва.

В милицию он когда-то попал по блату, лишь бы где-то работать. Служил в группе задержания вневедомственной охраны. Политических убеждений от коллег никогда не скрывал и за последовательную аргументацию своих взглядов получил прозвище «Немец». Некоторые до сих помнят его только под этой кличкой. В рядах милиции жилось тошно. Большинство стражей порядка ненавидели приезжих едва ли не больше скинхедов, но давно по уши погрязли с ними в коррупционных отношениях – без малейшего желания выбраться из этой бесчестной канители. Многие медленно, но уверенно спивались. О таких пел Веня Д'ркин:

*«А про нашу, про советскую милицию,
Песен нету и не надо их совсем!»*

В общем, Андреев из органов быстро сбежал. Но так же неудачно, как поймал такси, чтобы призвать к ответу гопников-обидчиков.

Подоспела срочная служба. Стас, сообразно убеждению, решил отправиться в Чечню. Написал заявление, зару-

чился поддержкой военкома. Родителям, понятное дело, ничего не сказал. Поделился только с другом Сергеем, взяв с него слово, что тот не проболтается родителям Стаса. У того округлились глаза, замедлилась речь, и вообще он почему-то, услышав новость, довольно скоро ушел. На следующий день комиссар срочно вызвал Стаса к себе. У кабинета новобранец увидел своих родителей и сразу все понял.

– Лекторович, ты же слово дал!

– А я его сдержал. Я твоим родителям ничего не сказал.

Формально – да, не подкопаешься. Сергей рассказал своим родителям, а те тут же связались с родителями Стаса. В общем, обломилась Чечня. И попал Стас в моторизованный полк части внутренних войск МВД. Он догадывался, что встретит немало тех, кого так ненавидел на «гражданке», но что их окажется так много, не ожидал.

«Боже, куда я попал?» – тоскливо думал Стас, дожидаясь своей очереди в пыточную каптерку.

Воинская часть № 5599 внутренних войск МВД России города Самары стояла на живописном берегу Волги между городским парком и пивзаводом «Жигули». На этом ее достоинства заканчивались. По воле российской демографии в начале нулевых, приписанных к части рядовых из республик Северного Кавказа оказалось достаточно, чтобы безнаказанно использовать силу национального братства двадцать четыре часа в сутки.

Дагестанцы, ингуши, аварцы, даргинцы обложили рус-

ских, татар, башикир и казахов данью. С ног до головы, ни вдохнуть, ни выдохнуть бесплатно. Любая, самая невинная, а иногда и прозрачная провинность грозила штрафом от 100 до 1000 рублей. Долго отвечал на вопрос? Плати штраф. Не отдал свой обеденный компот? Плати штраф. Плохо взбил подушку? Плати штраф. Не хочешь платить штраф? Тогда будешь избит. Отдашь все до копейки? Вероятно, все равно будешь избит. Никаких правил не существовало. Материальная повинность распространялась не только на косяки, но и на перемещения в пространстве: патрули и увольнения. Чтобы расплатиться, солдатам приходилось вымогать и воровать деньги у горожан.

Была еще повинность трудовая. Угнетатели к уборке не прикасались, тратили дань на шмотки, гуляли по набережной с праздностью чеховских персонажей и не знали ни страха, ни горя, ни возмездия. Старшие по званию оказались перед ними бессильны. Командир взвода роты материально-технического обеспечения лейтенант Солдатов был избит за замечание рядовым ингушам. Командир полка по тылу майор Леонов подвергся нападению дагестанцев в столовой. Командир части полковник Громов серьезных мер почему-то не принимал. Все это не просто воспоминания Стаса, а факты из местной и федеральной прессы, которая чуть позже расследует случай этнодедовщины вдоль и поперек.

Националист Андреев попал в воинскую часть № 5599, как в свой самый лютый кошмар. Русские ребята защитит

себя не могли, да и, прямо скажем, не очень пытались. Чаще резали вены. Только за его призыв в госпиталь угодили трое. Хорошо хоть остались живы.

Стасу тоже доставалось. И однажды Серега Лекторович заступился за него в своей манере. Был какой-то городской праздник. Играла музыка, фланировала публика. Лекторович с друзьями пил пиво и посматривал на центральный вход в сквер. Обычно через сквер Пушкина вниз на набережную строем проходила рота солдат из воинской части № 5599. Когда колонна показалась в начале аллеи, Сергей медленно вышел им навстречу, скрестил руки на груди и голосом капитана Жеглова гаркнул:

– Стоять!

Эффект неожиданности сработал. Солдаты замерли.

Стоящие впереди пытались понять, что за псих преградил им путь: бритый, в кожаной куртке. ОПГ пожаловала?

– Кто из вас рядовому Андрееву жить не дает?

Два крупных дагестанца отодвинули офицера и вышли вперед.

– Парень, а ты что, тоже жить не хочешь?

Кто-то в толпе нервно захихикал.

– Еще раз услышу, что у Андреева проблемы, я вас по одному отловлю и ноги повыдергиваю.

Они стояли и смотрели друг на друга прямо – тем давящим взглядом, который называют «энергетическим».

– Пусть твой Андреев сам разбирается, да?

– Я предупредил.

Стас поддержку оценил, но проблему решил своим способом.

Газета «Газета», май 2004 года

«Очередной побег на почве этнодедовщины случился в Самаре. Из воинской части внутренних войск сбежали двое военнослужащих. В тот же день они дали пресс-конференцию, на которой заявили, что однополчане их не только били и унижали, но и заставляли совершать преступления против жителей Самары. Военная прокуратура возбудила уголовное дело по четырем статьям. Арестован рядовой, призванный из Дагестана, Арслан Даудов <...>. Рядовой Андреев и сержант Алгазиев после побега из воинской части сначала содержались в полку МЧС, потом их перевели в часть при областной Военной прокуратуре».

Другого выхода просто не было. Накануне казаха Азамата Алгазиева избили: он помешал пьяным дагестанцам заставлять русских ребят танцевать лезгинку. Те отняли у него штык-нож, пригрозили зарезать и потребовали денег. Стас тоже был на счетчике, тоже получил угрозу познать ад в закрытой каптерке. Денег у него не было, зато имелась решимость и адрес известного в городе националиста Олега Киттера – немца по национальности. Он и помог собрать пресс-конференцию, написать заявление в прокура-

туру Самарского гарнизона. И пошла тогда в воинской части № 5599 веселая жизнь, как по Гоголю. Возбудили дело. Произвели аресты. Начальник воинской части схватился за голову. Глава местной дагестанской диаспоры схватился за телефон. В Самару нагрязнули столичные корреспонденты.

– Ты, наверное, теперь тоже националист, как Киттер? – спросил один из них.

– Да нет, – соврал Андреев. – Я только латышей не люблю. Мне за Прибалтику обидно.

Тем временем казах Азамат Алгазиев давать интервью отказался, дембельнулся и исчез. Вместе с заявлением в прокуратуру. А Стасу достался в следователи татарин. В городе он был известен своей упертостью: посадил большую шишку за убийство человека, несмотря на угрозы, порчу имущества, покушение и подкуп.

– Мы их заждем по полной программе. Ты, главное, ничего не бойся и верь мне.

– Я не боюсь. И не верю.

Как следователь говорил, так и вышло. Несмотря на мощное противодействие как со стороны дагестанской диаспоры, так и со стороны военных. Главному обидчику и зачинщику Руслану Даудову дали реальный срок. Рядового Андреева перевели в другую часть. Татарин спас русского националиста. В этот период Стас впервые задумался о существовании небесной иронии.

2005 год

Стаса Андреева и Сергея Лекторовича снова погрузили в бобик.

Ритуал был привычным, как утренняя пробка на подъезде к проходной «АвтоВАЗа». Обошлось без эмоций. Мятый конвой в обнимку с конфискованными флагами устроился впереди, Стас и Сергей – на пассажирском. Оба в темных очках, галстуках и мужских костюмах из дешевого полиэстера, щедро оцененных местными СМИ в 4 тысячи долларов каждый. В отделение ехали молча.

К активным политическим действиям Стас подключился после армии. Лекторович, умеющий выжимать из идей и ситуаций максимум, пришел к мысли, что быть русским националистом без собственной федеральной партии как-то бессмысленно. Так появился «Национальный альянс» – движение уважаемого национализма. Сергей и его приятели, переросшие уличное скинхедство, сняли бомберы, надели пиджаки, сшили черно-бело-красные флаги, напечатали листовки и вышли на свой первый митинг. Стас Андреев возглавил представительство движения в Жигулевске. Это не было какой-то местной аномалией. Скорее эволюционным маршрутом, которым в те годы шли многие их пассионарные ровесники из других регионов.

– Очки снимайте, тут вам не Майами, – сказал дознаватель, когда их привели в комнату для допроса.

Лекторович с равнодушным видом разглядывал линейный кабинет.

– Пишите объяснение, ребята.

– Какую статью какого кодекса мы нарушили? – вежливо встрял Андреев.

– А митинг ваш?

– Да мы случайно на улице с флагами встретились.

– Это ты бабушке своей расскажи...

– Вы докажете, что у нас был предварительный сговор.

А пока – презумпция невиновности.

В принципе, силовики пока только присматривались к молодым энтузиастам.

– Ребят, у нас к вам предложение, – говорил Сергею и Стасу сотрудник регионального управления по борьбе с организованной преступностью, накануне пригласивший националистов в бар выпить пивка. – Работайте на нас. Мы вас будем прикрывать. А вы нам будете помогать.

– Как, например? – поинтересовался Сергей.

– Ну, например, нам нужно к саентологам внедриться. Узнать, чем они там занимаются. Нас они уже видели, а вас нет. Уверен, у вас получ...

– Извините, нам это неинтересно, – вежливо оборвал его Сергей. – У нас другие планы.

– Ну и зря. Но ваше дело, конечно, – расстроился милиционер. А потом, увидев у Стаса сигареты «Альянс», пошутил: – У тебя, я смотрю, даже сигареты принципиальные.

– А у тебя, я смотрю, даже пиво принципиальное, – парировал Стас Андреев, кивая на кружку с чешским «Козелом».

Митинги, петиции, аресты и заметки в газетах поначалу казались атрибутами живой борьбы. Если не завтра, то послезавтра они выведут на улицы тысячи человек и провозгласят наконец свою правду. Но человек, даже случайно и ненадолго оказавшийся в политике, быстро понимает, что люди оценивают глазами, а верят ингибиторами обратного захвата серотонина – или чем там еще обеспечивается благоприятный эмоциональный фон? Слова сами по себе ничего не значат – важно кто, как и при каких обстоятельствах их говорит. Молодой политик должен сначала выстроить свою историю, а потом пытаться как-то ее символически капитализировать.

Сергея новые горизонты вдохновили. А Стас очень скоро понял, что политика – тоже не его дело. Точно так же, как милиция и юриспруденция. Где Стаса дожидалось его поприще, он еще не знал. Поэтому пробовал всё, что не противоречило его взглядам. Однажды даже за компанию с друзьями сходил на крестный ход. Накануне спрашивал у Лекторовича:

– Это что-то вроде похода?

– Не знаю, но сало, на всякий случай, с собой заверни.

Сало на жару протухло. А крестный ход стал для Андреева переломным моментом. Через несколько месяцев он впервые в жизни ощутил, что такое блаженное спокойствие духа, радостно раскачивая колокольный язык в звоннице храма в честь иконы Казанской Божией Матери села Верхнее

Санчелеево. Его пригласил в гости новый, с крестного хода, знакомый – батюшка Алексей Ким. Тихий немногословный священник. Кореец. Всевышний, посмеиваясь, продолжал вести Стаса за руку.

2011 год

От чтения молитвенного правила отца Вячеслава отвлек настойчивый стук топора. Он поспешил на улицу. Узбеки очищали от дикой поросли полянку перед входом в церковь. Хотя должны были строить котельную.

– Ребята, что вы делаете, мне же нечем вам платить!

– Да мы просто помочь думали. Все равно цемент ждем. Вам, батюшка, местные мужики не помогают, что ли? Заросло же все.

– Не помогают. А вас я чаем напою.

Русские мужики действительно не помогали, даже за деньги. Как-то за ту же полянку отец Вячеслав заплатил местным, выдал инструменты, а они напились и работу саботировали. Но отец Вячеслав зла на них не держал.

«Приехали как-то раз академики в один аул проводить ликбез. Рассказывают о Гагарине, о космосе, о ракетах, о спутниках и ядерных испытаниях. Аул сидит, слушает внимательно.

После лекции один из академиков спрашивает:

– Есть вопросы?

Из толпы поднимается аксакал: есть, говорит, у меня один вопрос.

– Ну?

– А как это вы повидло в карамельку засовываете?»

Отец Вячеслав вспоминал этот анекдот каждый раз, когда молодые семинаристы пытались начать умный разговор с его деревенскими прихожанами. Блистали познаниями в богословии, взывали к патриотизму – вместо того чтобы подбирать ключи к конкретной душе, спрашивать о том, что человека тревожит на самом деле.

А жителям села Сосновый Солонец было о чем переживать. Птицефабрику закрыли, цементный завод закрыли, «АвтоВАЗ агрегат» закрыли. Работы почти не было, в Тольятти не катаешься – сто километров и другой берег Волги. В итоге молодежь из деревни уезжала, мужики пили, женщины экономили, а старики плакали. Но жить все равно как-то было надо. Отец Вячеслав помогал пастве не падать духом.

– Главное, что люди здесь прямые и честные, злятся или радуются – все в открытую. Получилась при храме почти семья, хоть и с прибабахом, не без того.

Прежде чем стать священником в деревне Сосновый Солонец, Стас Андреев успел многое. После армии начал вести разгульную жизнь, вылетел с нескольких работ, занял и проиграл большую сумму в игровых автоматах, щедро расставленных в городе, всерьез увлекся алкоголем. Когда понял, что дальше будет хуже – засобирался в Оптину пустынь с горячим желанием там монашествовать. Его дру-

зья сошлись на том, что он вернется обратно через пару месяцев. Стас прожил с монахами три счастливых года и точно знал, что никогда не был здоровее, чем в это время. Там, среди куполов и сосен, под открытым ему небом, и в холоде, и под солнцем, он наконец-то понял, что такое радость, свобода, счастье и любовь. Мрачный худой парень постепенно преобразился. Округлился, подобрел, стал смешливым.

– Отец Илий, на что есть воля Божия? Остаться мне в монастыре или возвращаться?

– Воля Божия одна – спасись. А где спасаться – решай сам.

– А ведь я, отец Илий, был фантазер и идеалист. Мир хотел изменить.

– Не получилось?

– Ой, да и слава Богу! – рассмеялся Стас.

И решение пришло легко. Он вернулся, женился, стал священником и получил приход в селе с населением в 1500 человек. Окончательно перевоплотился из Стаса в отца Вячеслава. И как только его рукоположили, Сергей Лекторович попал в беду.

Но это еще не скоро. Еще целых две жизни.

А пока, уже поняв, что «Белые волки» хромают на все четыре лапы, Лекторович собрал друзей из группировки и сказал: «Ребята, надо делать легальное общественно-политическое движение. Кто хочет – присоединяйтесь». Оста-

лось четыре человека. Остальные ушли. Так появилось общественное движение – «Национальный альянс».

Жизнь вторая. От политика до политтехнолога

Гроб-путешественник

Слава, староста православной общины, главный организатор городских крестных ходов, позвонил мне в 10 вечера.

– Серега, Серега! Меня только что выпустили из отдела, против тебя готовится провокация. Я сейчас приеду, все расскажу.

Через 20 минут он был у меня. А через 30 я уже звонил всем нашим сторонникам из общественных организаций и средств массовой информации, чтобы на следующей день они сопровождали меня от самого дома и до митинга. Иначе был риск не доехать.

Неизвестные, на тонированном «Мерседесе», встретили Славу у подъезда, когда он ранним утром вел дочку в школу. Отвезли в отделение и 8 часов допрашивали, заставляя его позвонить мне и сказать, что «гроб» найден, и он ждет меня на заброшенном пустыре центрального района.

Иначе: «Ты отсюда не выйдешь, мы тебе “наркоту” оформим, к цыганам посадим» и т. д.

Слава, взрослый православный мужчина 37 лет, давлению

не поддался.

– Делайте, что хотите. Звонить я не буду. Как после этого в глаза другу смотреть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.